

Военные
Приключения

ОБРЕЧЕННЫЙ МОСТ

**Юрий Яковлевич Иваниченко
Вячеслав Игоревич Демченко
Обреченный мост
Серия «Военные приключения»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7178390
Обреченный мост / Иваниченко Ю.Я., Демченко В.И.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7771-7*

Аннотация

Подходит к концу время оккупации советского Крыма. Но почему фашисты не предпринимают попыток вывезти с полуострова детали уникального моста, который, по замыслу Гитлера, должен был соединить берега Керченского пролива, став кратчайшей дорогой на Кавказ? Свой вклад в разгадку этой тайны вносят хорошо знакомые читателю партизан Сергей Хачариди, старший лейтенант Войткевич и капитан Новик.

Содержание

Кремль. Кабинет Сталина. 1934 год	4
Рейхсканцелярия. Кабинет Гитлера. 1941 год	5
Крым. Октябрь 1943 года. Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»	7
Войткевич и Новик	7
Октябрь 1943 года. Крым. Район действий отряда Ф.Ф. Беседина	9
Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»	14
Войткевич и Новик	14
Крым. Октябрь 1943 года. Партизанский отряд Ф.Ф. Беседина	16
вблизи долины Коккоз	
Хачариди и Боске	16
Туапсе	19
Несладкие раздумья Трофима Кравченко	19
Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»	20
Войткевич и Новик	20
Район действий партизанского отряда Ф.Ф. Беседина	23
Хачариди и Боске	23
Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»	26
Войткевич и Новик	26
Оккупированный Крым	30
Тогда, в долине Коккоз...	30
Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»	32
На пристани...	32
В проливе...	33
И у берега...	35
Перегон у станции Владиславовка. «Pasaremos! No pasaran!»[9]	36
Хачариди и Боске	36
Керчь. Мыс «Змеиный». Заводская пристань	38
Войткевич и Новик	38
Старые знакомые	39
Хроники осинового гнезда	40
Из послевоенных архивов	41
No pasaran! No volarán[17] тоже	42
Хачариди и Боске	42
Керчь. Мыс «Змеиный». Район заводской пристани	44
Войткевич и Новик	44
Железнодорожный узел Владиславовка	47
В страдательном залоге	47
Керчь, ул. Сталина. Полевая комендатура «FK 676 Kertsch»	49
В залоге действительном	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Яковлевич Иваниченко, Вячеслав Игоревич Демченко Обреченный мост

Кремль. Кабинет Сталина. 1934 год

– Еще в 1901 году, Иосиф Виссарионович, английское правительство совершенно серьезно рассматривало проект сухопутного пути из Европы в Азию. Для этого предполагалось построить два моста, – докладчик поймал на кончик указки колотый ломоть Британских островов. – Первый, само собой, это мост через Ла-Манш, и второй...

Указка, петляя по пёстрым лоскутам Европы, добежала до красного монолита СССР, к синей «печени» Чёрного моря и, проникнув в рваный треугольник Крыма, упёрлась в оконечность Керченского полуострова. Докладчик, словно испрашивая разрешения Вождя, по обыкновению прохаживавшегося где-то в конце огромного кабинета, обернулся на него. Но дождался только недоуменного шевеления густой рыжеватой брови.

– Второй мост, необходимый для осуществления этого плана и куда более грандиозный, – спохватился докладчик, густо покраснев. – Это мост через Керченский пролив на Кавказ. Кстати, проекты этого моста в 1903 году ложились и на стол Николая II, но Империалистическая война...

– Что ж... – вдруг оборвал его Сталин негромко, но так, что всё присутствующее руководство ВСНХ, только что внимательно следившее за указкой докладчика, сделало равнение направо, оставив того наедине с картой. – Что ж... – значительно повторил Иосиф Виссарионович, – я думаю, индустриализация в нашей стране уже достаточно прочно встала на рельсы социалистического строительства.

Вождь выстучал горку пепла из трубки на подоконник, в рядок – дюжину таких же, серых, бугорков.

– И теперь нашим предприятиям, нашим инженерам, я думаю, вполне под силу предприятие, которое оказалось не по зубам ни царю, ни даже англичанам. Строительство моста из Европы в Азию. Через Керченский пролив, – уточнил Иосиф Виссарионович, проведя мундштуком трубки дугу где-то в направлении карты, и продолжил, щуря жёлтый звериный глаз, что должно было, видимо, обозначать мудрую иронию. Иронию превосходства. – Тем более что при этом нам не надо строить мост через Ла-Манш... Пока не надо...

Рейхсканцелярия. Кабинет Гитлера. 1941 год

– В начале века, мой фюрер, англичанам даже удалось протянуть по дну Керченского пролива телеграфную линию! – несмотря на усильтельное «Sogar»: «вот, мол, какие чудеса!» – рейхсминистр сделал насмешливо-скептическую гримасу.

Впрочем, и сам фюрер нетерпеливо отмахнулся и даже отпихнул рулон карты.

– Большое дело, Альфред, телеграф протянуть! Сталин, вон, тоже замахнулся, но так и не сподвигся соорудить мост, хоть у него и были под рукой миллионы рабов и самая большая в мире выплавка стали.

– И выплавка, и прокат, – с готовностью подхватил любимчик фюрера Шпеер. – В той же Керчи, можно сказать, на строительной площадке, у них законченный цикл производства: от местной руды до блюминга и рельсового стана.

Но, в ответ на недоуменный взгляд Гитлера, рейхсминистр продолжил, явно подыгрывая:

– Но ведь при рабовладельческих масштабах производства и технологии остаются древнеегипетскими, не так ли? Гигантские заводы Сталина не справились с технологическими требованиями задания. И, насколько я знаю, советский заказ на металлоконструкции моста был размещён у нас.

– «Насколько я знаю?» – скептически фыркнул Гитлер. – И насколько же знает рейхсминистр строительства? Где теперь эти конструкции?

– Складированы у Круппа, – незамедлительно, не заглядывая в папку, ответил Альфред, будучи готов к ответу.

– Как только Крым будет взят нами окончательно, мы доставим их на место и осуществим то, о чём мечтал ещё Александр Великий! – тряхнул вороньей чёлкой фюрер. Не удержался-таки от патетики. – Мы проложим путь из Европы в Азию, к её неисчислимым богатствам, нынешним и будущим, которые должны служить исключительно на благо европейской цивилизации! – вывел он эпитафию, надо полагать, к будущей записке в Генштаб. – И это, прежде всего, путь к кавказской нефти, а там, через год-два, и иранской, – добавил Гитлер вполне практически. Но тут же сбился на привычное раздражение. После того как безнадёжность «Морского льва»¹ стала удручающе очевидной, об Англии он иначе и говорить не мог, как сквозь зубы. – Отберём колонии заносчивой Англии! Всё-таки ей следует знать своё место в европейской, в сущности, пангерманской, цивилизации. Нас ждёт Индия, и...

«Секретно

153-я полевая учебная дивизия. Оперативный отдел 1а № 580/43

Разбор учебной тренировки.

Генерал-фельдмаршал сказал следующее:

...Положение на Восточном фронте остается напряжённым...

Русские действуют <...> в оперативном плане очень умело и проводят операции в таком масштабе, который никто в мировой истории ещё не применял, и поэтому русские должны высадиться в Крыму.

Так как противник находится уже на Таманском полуострове, он попытается отрезать пути подвоза, чтобы создать для наших войск в Крыму ещё больший Сталинград. До декабря

¹ Seelöwen – операция по высадке десанта на Британские острова. Впрочем, намерение сие было изначально мифическим, предназначенным для давления на «упрямых и заносчивых» англичан. Реальных возможностей высадить на том берегу Канала в считанные часы 50–60 дивизий у Рейха просто не было, в штабах ОКВ и Кригсмарине это прекрасно понимали.

Крым был этапом. Сейчас Крым стоит на переднем плане принятия решений на Восточном фронте.

От Крыма зависит не только исход боев на Восточном фронте, но и всей войны. Это должен знать каждый, но пока не все это понимают».

Крым. Октябрь 1943 года. Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»

Войткевич и Новик

Немецкий часовой с насупленной на нос каской обмяк и рухнул за мгновение до того, как в луче прожектора серебром вспыхнула мёрзлая трава у него под ногами. Но вспышка прожектора обнаружила привычный чёрный контур на положенном месте, так что наблюдатель на вышке не забеспокоился.

Со своего места, с поста, обустроенного больше для порядка, чем из необходимости (тут и без того было слишкомлюдно, чтобы можно было вообразить, что какой-нибудь русский диверсант сунется в самую рабочую суету складов «Kriegsmarine»), – со своего поста гефрайтер в наглухо застёгнутой шинели видел всё.

Видел, как поодаль по узким железным трапам скатываются в подземные казематы ребристые бочки со штамповкой имперского орла на торцах. Как ещё дальше те же или подобные им бочки откатывают к «Минному» пирсу, где подсакивают на невидимых чёрных волнах приземистые катамараны «Зибель», кляня низкое небо стволами спаренных зенитных автоматов. Видел, как раскачиваются оранжевые пятна жестяных фонарей, а временами даже слышал, как стонут пайолы под коваными сапогами. Причал, теряющийся во мраке, вдруг обозначался белой бахромой штормовых волн. И настырно, и непрерывно, как в дымоходе, с дребезжанием выюшки, всё воет и воет ветер; ревёт невидимое в ночной мгле море...

Впрочем, здесь, на оконечности Керченского залива, это всё ещё только отголосок беспрестанных осенних штормов, кипящих в проливе, как в ведьмином котле. В жёлтых пятнах пляшущего света суетятся чёрные комбинезоны техников; отливая сталью, развеваются полы солдатских шинелей и напрасно пытается спрятать горло в отороченном мехом вороте начальник инженерной службы.

– Сколько принято, Гельмут? – простуженным сипом спрашивает он у юного фейнриха службы вооружений.

– Ещё 3,5 тонны, герр зондерфюрер².

Тот качает тульей фуражки с наушниками. «Хотелось бы больше...»

Именно быстроходные баржи и паромы – бронированные, вооруженные лучше иного русского «сторожевика», – обеспечивают безопасность немецкого берега перед лицом нависшей угрозы.

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов отмечал, что

«...несмотря на превосходство Черноморского флота на море, здесь, в узком и мелководном Керченском проливе, мы оказались в весьма затруднительном положении. Крупные корабли в проливе плавать не могли из-за минной опасности и угрозы с воздуха. Немцы же к этому времени сосредоточили в районе Керчи несколько десятков быстроходных десантных барж... Эти небольшие суда, специально построенные для действия в узостях, были хорошо бронированы и имели сравнительно сильную артиллерию. Наши катера были слабее их в вооружении, и им приходилось считаться с этим. Не случайно командующий флотом вице-адмирал Л.А. Владимирский в пылу полемики однажды официально донёс в Ставку и мне, что ему приходится в Керченском проливе “драться телегами против танков”...»

² В данном случае – чиновник военного ведомства из гражданских.

Тем не менее и у «морских танков» свои проблемы. «Топлива маловато...» – морщится господин зондерфюрер. А десант русской орды ожидается со дня на день, и от того, будут ли на ходу «Зибели» и MFP, зависит, как долго ещё удастся сохранять в проливе господствующее положение.

Это понимает и новоявленный часовой, позаимствовавший караульную шинель со своего предшественника, – зябко ссутулившийся, небритый, но с узнаваемо благородными чертами лица и внимательным прищуром чёрных глаз, мерцающих в тени каски антрацитом. Собственно, для того он и здесь, по документам – гефрайтер 49-го батальона тыла, – чтобы разрешить проблему топлива немецких «Kriegsmarine». Но по-своему, потому как сей «гефрайтер» по документам, оставленным в сейфе разведотдела, – командир второго разведотряда штаба КВЧФ капитан Новик.

– Долго ты там ещё? – риторически вопрошает он ветреную студёную мглу, забросив «Маузер» за спину и потирая руки в обшлагах суконной шинели. – А то я тут как флюгер на крыше собора.

И, как ни странно, мгла отвечает ему:

– Ну, так покрутись, флюгер, заодно согреешься.

Отвечает голосом фельдфебеля, воткнувшегося по пояс в старинную вентиляционную шахту, обложенную кирпичом, узкую и неприметную, как сусличья нора.

Отвечает голосом старшего лейтенанта Я. Войткевича.

Октябрь 1943 года. Крым. Район действий отряда Ф.Ф. Беседина

...Ещё тепло в этой части Крыма, даже в предгорьях не оголились кусты и деревья. Лишь окрасилась листва тысячью оттенков увядания. Поздние фрукты в чаирах, алое буйство кизила, грибы во множестве и просто на выбор, и не голодно в тех (увы, немногочисленных) сёлах и хуторах, куда партизаны могли заглядывать без опаски. Как говорится, отъедайся, готовься к зиме и отдыхай.

Но отдыхом не пахло. Весь прошлый день треть отряда – партизанские разведчики, две боевые группы, начштаба и комиссар отряда, – шли на северо-восток, скрытно, обходя сёла и с татарским, и с христианским населением. Со смешанным – тоже.

О точной цели Тарас Иванович Руденко, возглавляющий вылазку, не распространялся. Мол, надо пощупать фрица поближе к Симферополю, а то давно там не появлялись, а где именно и как – не говорил, только в карту время от времени поглядывал.

Часов в пять пополудни вышли в лесок возле Клиновки и устроились на отдых.

Руденко после возвращения из госпиталя в Туапсе не просто поправился – вроде как даже помолодел. Сошли, как не было, болезненная желтизна и одутловатость, наследие страшных зимы и весны сорок третьего, успешно залечены и оба пулевых ранения. Суставы приобрели нормальный вид. Да что и говорить: одолел весь переход по предгорьям и лесным тропам немолодой комиссар наравне с разведчиками, да ещё раз пять возвращался в самый арьергард, подгонял отстающих. А на стоянке, едва только бойцы разместились на отдых, наконец-то Тарас Руденко назвал основную цель похода. Предстояла боевая операция у Аянского водохранилища.

– А начальство здесь останется? – спросонок голос Малахова стал особенно хриплым.

– Куда ж нас без хозяйского глаза, – хмыкнул Сергей Хачариди. – С нами пойдут и начальник штаба, и комиссар. Всё, народ, оживайте. Выступить нужно засветло, до захода солнца.

Шурале Сабаев и Гриша Попович – они, как самые сильные, несли дополнительный груз, – выставили свои вещмешки. В первом были гранаты и запасные магазины, а во втором, у Гришки, – тяжёлые «кирпичи» фугасов.

После гибели Громова и ранения Лёвки Хмурова работу отрядного минёра выполняли Попович и Алексей Сивенков.

– Так, партизаны, пополнили боезапас? – к разведчикам подошёл Руденко. – Всё, двинулись в путь. В авангарде пойдёте.

– Ясно? – спросил Сергей и, не дожидаясь ответа, скомандовал: – Идём по парам. Первые – Володька и я. Дистанция пять шагов. И строго следить за всеми движущимися и неподвижными объектами вокруг и впереди!

Партизаны продвинулись ещё дальше на северо-восток, вышли на дорогу к Аяну со стороны Мамут-Эли и полторы версты шли по ней.

С вершин гор потянуло свежестью. Солнце опускалось всё ниже и наконец спряталось за горой. Безлюдная дорога извивалась по самому краю леса. Слева по ходу – речушка, мелководная по сухой осенней поре, но в глубоком русле. Спроста и не переберёшься на ту сторону; то ли жандармы, то ли «оборонцы» намостили несколько каменных кладок, по которым хоть и поодиночке, но быстро и безопасно можно перебраться в густой лес за речкой.

– Все эти фрицевские художества разбираем, – приказал комиссар. – Нечего карателям соваться в партизанский лес.

Останавливались каждые пятьдесят метров: срезали телефонные провода, а опоры минировали. Установили мины и на самой дороге, в узких местах, где объехать было никак не возможно, – деревья и обрывы подступали вплотную. Затем на трёх пересечениях просёлков устроили завалы, благо можно было подобрать добрую дюжину древесных стволов, вывороченных во время арьергардных боёв сорок первого, или же одной из оккупантских попыток «окончательной очистки Крыма от партизан» в прошлом году.

Сгущалась темнота. Клочковые тучи закрывали восходящую луну.

– Ночь предполагается наша, партизанская, – сказал комиссар Руденко, выйдя в голову колонны. – Гляди, Сергей, тучи идут низко со стороны моря, прям цепляются за вершины. Наверняка, быть дождю.

– Тарас Иванович, – вполголоса, так, чтобы слышали только Руденко, ну и Володька, идущий рядом, спросил Хачариди у комиссара. – А взрывчатки у нас хватит, чтобы плотину взорвать?

– Ни боже мой, – даже махнул на Хачариди рукой атеист Руденко. – Зачем? Взорвать – так сначала же полгорода затопит, а потом и вовсе Симферополь без воды останется.

– Так на кой ляд мы сейчас там немцев щупать будем?

– Чтоб служба им мёдом не казалась, – хмыкнул комиссар и пошёл назад, вдоль колонны.

Последние полверсты шли тихо и уже у самого Аяна остановились, подождали, когда все соберутся. Тогда провели окончательный инструктаж. Распределились на малые группы, по пять-шесть человек. Одну из «пятерок», ту, которой предстояло перекрыть просёлок на юго-западе, у мостика, взял под команду сам Лесницкий, начштаба отряда. Наверное, считал особенно важным, чтобы немцы не отошли в этом направлении.

– После разгрома фашистской охраны сбор будет вот там, – командир закончил «постановку боевой задачи» и указал на две больших сосны чуть поодаль. Они ещё были отчётливо различимы на фоне неба; а за ними кустарники казались сплошной тёмной полосой.

Комиссар добавил своим, домашним, привычным тоном:

– А после боя – чтобы все ваши головы были здесь, в указанном месте. И не вздумайте шутить со мной: накажу по всем правилам партизанского Устава.

В проблеске лунного света было заметно, что по лицам партизан скользнули улыбки; а Гриша Попович пообещал:

– Комиссар, обязательно вернёмся, ведь у нас ещё дома есть дела!

...Когда партизаны приблизились совсем вплотную к Аянскому водохранилищу, затаившись и припав к земле в ожидании общего сигнала, туча вновь заслонила лунный диск. Где-то далеко за перевалом, будто сговорившись с партизанами, взлетели в небо жёлто-горячая и зелёная ракеты, одна за другой. А из караульного помещения в этот момент выходили солдаты для очередной смены постов.

Комиссар подал условный знак Сергею Хачариди.

– Понял, – шепнул тот и резанул длинной очередью.

Эхо вихрем пронеслось над тусклым зеркалом водохранилища. Двое немецких солдат упали возле двери, другие отпрянули. Но спустя пару секунд начали стрелять, выбегать в двери и выпрыгивать из окон караульного домика. Кроме этого строения и трёх сторожевых будок возле самой «колючки» на тёмном берегу оказалось несколько укрытий; из них немцы после нескольких секунд замешательства открыли ответный огонь. Немецкая граната упала с характерным фырканием у ног Вовки Ярового. Он ловко, будто заученно, схватил её за длинную ручку и отбросил в темноту. Взрыв! – и раздались вопли немецких солдат.

Руденко скомандовал Сергею:

– Полей огонька, Серёжа, к двери караульного помещения, чтобы им видней было выползть!

Струя трассирующих пуль из пулемётного ствола пошла навстречу фашистам.

– Молодец, Серёжа! Вот теперь-то другое дело! – крикнул комиссар. – Давай, давай, подсвечивай! – и, приподнявшись, метнул гранату в пулемётную точку врага. Пулемёт смолк.

Но вот из ещё одного укрытия загрохотал «МГ». Партизанам пришлось прижаться к земле, укрываясь за камнями.

Хачариди сменил магазин, выждал несколько секунд, прицеливаясь, и резанул короткой очередью. Пулемёт немцев умолк. Ещё несколько очередей из партизанских автоматов и пулемёта, два взрыва гранат – и стал слабеть вражеский автоматный огонь. Наконец разрывами гранат и струёй пуль было прорвано ограждение из колючей проволоки – и путь для решительной атаки открылся. Кто-то из партизан добежал до караульного помещения и бросил гранату в окно, из которого фашист вёл огонь. От взрыва раму окна вырвало с коробкой и выбросило наружу.

– Сжимайте кольцо! – закричал Левков.

Фрицы стали пятиться на фланг, к мостику. Но там их встретила группа во главе с Лесницким. Трое немцев рухнули как подкошенные, а ещё примерно столько же залегли.

Темнота всё сгущалась, позволяя врагам отползти или затаиться – с тем, чтобы выстрелить в спину. А тут ещё стал разгораться пожар в караульном домике, и в багровых отблесках целиться оставшимся в строю охранникам стало легче. Надо было побыстрее закончить операцию.

– Дави гадов! – донёсся с левого фланга голос Левкова. – Вперёд!

Партизаны – к тому времени уже почти все проскочили через проломы в «колючке», – пошли в наступление. Немцы отстреливались короткими очередями и одиночными выстрелами из укрытий. Левков – он бежал одним из первых в шеренге, – вдруг как споткнулся и упал. Саша Олешко бросился к нему с криком:

– Хлопцы! Командира нашего убило!

Партизаны забросали гранатами охранников в последних двух укрытиях, откуда ещё велся огонь.

...Оказалось, Мишу Левкова только ранили в ногу. Его перевязали, помогли подняться и повели под руки. Ещё четверых партизан задела пули или осколки гранат, но тяжёлых ранений не было. Комиссар приказал:

– Уходим, пока за нами не увязались каратели.

Кто-то из темноты сказал:

– А считать, сколько их было, не будем!

– Пусть их считают те, кто посылал сюда, – ответил Лесницкий. – Нам с ранеными будет тяжело идти, поэтому нужно торопиться. Не нарваться бы на засаду.

Собрав, по возможности, трофеи, построились у «точки сбора», вековых сосен, подсвеченных пламенем пожара. Из веток и плащ-палаток соорудили носилки для раненых и распределили, кто и когда будет нести.

– Уходим другой дорогой, – распорядился Лесницкий. – Хотя немного дальше, но безопасней. Хорошо, что уничтожили телефонную связь, не успели они поднять тревогу.

– Зато нашумели да фейерверк устроили, – проворчал Хачариди. – На двадцать вёрст шухеру.

– Это если экономно считать, – отозвался Арсений. – А куда денешься? Без гранат мы хрен бы их выкурили.

Вскоре – не прошли и километра, – где-то позади и в стороне, на дороге из Мамут-Эли, послышался гул моторов.

– Опоздали фрицы! – по-мальчишески радостно воскликнул Володя.

Руденко прислушался, мельком глянул на часы и сказал:

– Сейчас они взлетят к небу.

И действительно: не прошло и трёх минут как громыхнул отдалённый взрыв. Эхо прокатилось по ночному лесу и горам. Гул машин прекратился. И там, откуда донёсся взрыв, и на мгновение осветилась кромка низких облаков, поднялась беспорядочная стрельба.

– Что это? – спросил кто-то из партизан.

Комиссар пояснил:

– Наши мины сработали. Головная машина наскочила и взорвалась. Фашисты на других машинах с перепугу палят вслепую. Это у них бывает частенько. Считают, что попали в засаду и окружены партизанами. До утра никуда больше не сунутся.

– А как вы узнали, что они сейчас должны взлететь? – спросил у комиссара Вася Ерёмко.

– Да как тебе объяснить, парень? Видать, потому, что за эти годы я много раз побывал здесь. Запомнил каждый зигзаг и поворот дороги. Определил по гулу машин, до какого поворота они доехали. А там – наши мины. Теперь понял?

– Теперь я очень понял, – ответил Вася комиссару. – Спасибо. Может, ещё понадобится этот урок и мне.

Идущие в авангарде приостановились: короткий привал. Измученные, уставшие партизаны молча падали наземь.

Подойдя к раненому Левкову, Тарас Иванович спросил:

– Ну как ты, друг Миша, себя чувствуешь?

– Да вот, думаю, что кость целая, но, наверно, надолго выйду из строя.

– Ничего, – ответил комиссар. – Поправишься, ещё и на твою долю хватит бить фашистов. А сейчас крепись. Всё будет хорошо. Я услышал, что командира убили, а не смог поверить. Чую – живой, и всё. Вот видишь, как бывает, Миша? Чувства всё же говорят правду.

– Да, это так, – сказал Михаил комиссару. – Но я думаю, что не родился ещё тот фриц, который должен убить меня. Я ведь живучий.

– Да оно-то так, ты у нас из особого теста состряпан, – улыбнулся Руденко. – Хотя всякому концу приходит конец, но не в одно время, дорогой товарищ Миша.

Где-то там, под перевалом, в небо взлетели одна за другой три ракеты. И, как по команде, закончилась бессмысленная фашистская перестрелка. Стал слышен надрывной вой мотора какой-то машины, взбирающейся по алуштинской дороге.

После короткого отдыха партизаны тронулись дальше.

– Молодец, Серёга, – сказал Руденко, пристраиваясь в авангард, к разведчикам. – Да ты, впрочем, всегда молодец. Урок Финской даром не прошёл.

– Ещё тот урок, – кивнул Хачариди. – Врагу не пожелаешь. А всё-таки, чего мы на этих, – он показал, не оборачиваясь, за спину, будто и так было не понятно, о ком речь, – наехали? Ладно бы на жандармов или офицерье, а то сидят тихо...

– Стратегия, – отозвался комиссар. – Не зимой, так весной погоним фрица к чёртовой матери, водохранилище нам самим понадобится.

– Мудрёная стратегия, – тряхнул курчавым чубом Хачариди. – Хотя как знать... – продолжил он вполголоса, когда Руденко растворился в темноте по ходу колонны. – Показали немцам, что мы плотину взрывать не собираемся, а значит, и ни к чему большой караул здесь держать.

...Шли чёрными тропами, неся на усталых плечах трофейное оружие, боевого командира и ещё троих раненых. Уставшие, голодные, только к рассвету добрались в расположение отряда. Разошлись по своим шалахам, падая брёвнами на подстил из ветвей и листвы, ни о чём больше не говоря ни слова. Несколько мгновений ещё слышны были только стоны да вздохи, а затем наступила мёртвая тишина.

И удалось поспать целых шесть часов подряд, прежде чем прибежал посыльный из штаба. Пришла радиограмма из ЦШПД: выдвигаться в район долины Коккоз и подготовиться к приёму отряда диверсантов.

Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»

Войткевич и Новик

Новик в качестве «флюгера» и впрямь находится на крыше.

Блиндрованной крыше склада «В», – объекта, помеченного на картах разведотдела жирным красным кружком. Сколько сотен тонн топлива хранилось тут, в старинных казематах и штольнях – толком и известно-то не было. Но то, что именно сюда, на базу «Kriegsmarine», свозят с «Керчи товарной» ребристые бочки с маркировкой «огнеопасно», выгруженные из составов, проскочивших партизанские засады – знали достоверно. Отслеживались они ещё от самой Владиславовки и теми же партизанами.

Бывший пороховой погреб форта ничуть не выделялся на мрачном фоне Ак-Буруна – обрывистого каменистого мыса, замыкавшего Керченскую бухту. Со стороны и не разглядишь. Как, впрочем, оставалась почти незаметной и вся крепость, некогда равная по значению и мощи Кронштадту, – но в отличие от последнего практически не заметная ни с берега, ни с моря. Потому как эта крепость в своё время, была чудом фортификации.

Построенная в 1857 году, при Александре II, талантливым инженером и главным «строителем» Севастопольской обороны 1854—55 годов генерал-адъютантом Тотлебенем, Керченская крепость когда-то была одной из семи главнейших крепостей России, и предназначалась ей быть главной и единственной опорой Российской империи на Чёрном море. Прискорбные условия мирного договора 1856 года весьма ограничивали военные возможности империи на этом фланге. Строили Керченскую крепость секретно, но с размахом. И, надо сказать, она вполне оправдывала своё предназначение.

Её соорудили как бы крепостью «шиворот-навыворот» – она не возвышалась над берегом мощными стенами и зубчатыми башнями, а вгрызалась в скалу на десятки метров вглубь подземными казематами, пороховыми погребами, казармами, потайными переходами, соединяющими батареи, так что снаружи, кроме не слишком приметных ворот, оставались только едва заметные капониры, бастионы, входы в потерны.

Понятно, что проникнуть сюда морякам-разведчикам стоило немалых усилий.

Трудно даже сказать, что было опаснее: или прыгать в неизвестность с парашютом, или высаживаться штормовой ночью в совершенно неподходящем, зато и не слишком охраняемом месте с утлой надувной шлюпки, или же пробираться к Ак-Буруну по земле, а то и под нею, родимую...

Это потребовало знания немецкого на уровне фольксдойч и удалось, в общем-то, только благодаря обычной управленческой неразберихе, столь свойственной немецкому педантизму. Это когда отдельное управление создавалось по ведомству медных котлов, отдельное по выдаче пшёнки, ещё одно – по древесному углю и обучению армейских поваров, да и для съёма навару, наверняка, отряжена особая *Sonderkommando*. И в конечном итоге каша получалась изрядная. Так же обстояло дело и в отношении прифронтовой контрразведки: армейские отделы 1С, CD, Абвер, комендатура полевой жандармерии, – все радели за безопасность прифронтовой 500-километровой зоны. Так что, фигурально говоря, толкались плечами, а реально происходило так: непонятное одним службам соотносилось ими с компетенцией других.

...Войткевич и Новик в неброской форме тылового корпуса выбрались из контрминной галереи – заранее прорытого тоннеля для ведения подземной минной войны, как это было при осаде Севастополя 1854—55 годов. Таких тоннелей, веером расходящихся от гласиса крепостного рва, под Керченской крепостью было прорыто множество, более семи десятков.

Выбравшись, они оказались вблизи мощеной дороги, на которой как нельзя кстати...

– Ты дывы, яка гарна бричка! – с радостью, не предвещающей седокам «брички» ничего хорошего, протянул Яков.

В чёрных терновых зарослях блеснул притемнёнными фарами штабной «Хорьх» представителя «Адмираль Шварце Меер». Ни много ни мало – Адмирала Чёрного моря! И в сопровождении всего одного трескучего БМВ береговой охраны с коляской.

Новик положил ладонь на руку Войткевича, потянувшуюся было за ремень, к рифлёной рукоятке «Парабеллума 08», и кивнул через плечо.

Яков понятливо кивнул и, бросив рукоятку пистолета, потянулся к голенищу сапога за плоским немецким штыком.

И впрямь: пусть до Северных ворот крепости было ещё добрых полтора километра и сами ворота были как бы в капонире, выложенном тёсаным известняком, из которого сначала ещё выйти надо, чтобы глянуть на дорогу, вьющуюся степью, – но бережёного, как говорится, бог бережёт. Не надо шуметь.

Переглянулись, старший лейтенант перебросил на грудь «шмайссер», капитан включил плоский карманный фонарик в жестяном корпусе. С деловитостью патруля разведчики перегородили мощённую камнем-дикарем дорогу: «Halt!»

С этого момента над топливным снабжением контингента «Kriegsmarine», дислоцированного в Керчи, нависла никем пока ещё не подозреваемая, но серьёзная опасность.

И не единственная, поскольку действовали ещё и партизаны...

Крым. Октябрь 1943 года. Партизанский отряд Ф.Ф. Беседина вблизи долины Коккоз

Хачариди и Боске

Десант выбросили в оперативной зоне Южного партизанского соединения.

Но на месте приземления диверсантов ожидала засада. Не иначе как татары из местного охранного батальона выследили резервную посадочную площадку и дали знать оккупационным властям. Те, не считая нужным расточать истинных арийцев на авось, отправили румын. Заодно и проверить, как говорится, «на вшивость». В последнее время ряды партизан стали пополняться бойцами не только татарской, но и румынской, и даже словацкой национальности. Ибо дела немцев здорово походили на аутентичный «Швах!»

Но эти румыны «не подвели». Пятерых партизан, что должны были встретить небесных гостей, застали врасплох и зарезали, не дав сделать ни выстрела. Потом каратели, заслышав гул советского самолёта, зажгли заботливо приготовленные партизанами костры и встретили парашютистов предложением сдаваться.

Однако те не пожелали понимать ни ломаный русский, ни румынский вариант немецкого. Прямо там, на небольшом плато, вспыхнул бой.

Трое парашютистов погибли, ещё две группы – двое и трое – под прикрытием темноты разбежались разными тропами.

...Вид приведённого Сергеем Хачариди в отряд парашютиста-диверсанта немало озадачил командира отряда Фёдора Беседина.

«Такой себе, понимаешь, фунт лиха, упавший с неба вместе с пудом соли», – ещё раз глянул он на смуглолицего лейтенанта, и впрямь буквально «упавшего с неба».

С пилоткой, на немецкий манер, под пристяжным погоном, в чужом – во всех смыслах – рыжеватом кителе с накладными карманами, в отвороте которого с непривычным шиком виднелись рубашка цвета хаки и галстук с золочёным зажимом. «Фу ты, ну ты...» – одним словом.

Не подтверди Центр, что «гостинец» от самого Старинова, отвёл бы в ближайший овраг – и вся недолга.

– Ладно, – вздохнул командир. – Теперь, значит, на отряд и на вас возлагается задача Центра: «В первую голову уничтожить эшелоны с топливом, идущие на удалённые базы немецкого флота в Керчи и Феодосии...».

– Что значит в «первую голову»? – поинтересовался тонкостями языка лейтенант, бывший по национальности испанцем.

– На бензин кидаться, наче муха на гівно, – ещё более сомнительным эвфемизмом пояснил Фёдор Фёдорович.

Сообразив, что ему и русских двусмысленностей более чем достаточно, испанец решил на украинских уже не заморачиваться. Просто кивнул.

«Как будто я тут харчами перебираю, какой эшелон рвануть, а какой на закусь оставить, – внутренне ворчал Фёдор Фёдорович. – Мне вообще-то до тех эшелонов не рукой подать, чай, не по горам, да лесными тропками идут...»

И впрямь, выбираться из среды традиционного партизанского обитания – леса, – в голую степь Керченского полуострова? Где там обитать прикажете, в сусличьих норах, что ли? «Значит, – чуть слышно вздохнул командир, удерживаясь, чтоб не выматериться. – Значит, предстоят крайне рискованные и самоубийственно дальние вылазки-акции».

«Потому, наверное, и вся эта затея с испанцами... – снова глянул Фёдор Фёдорович в лицо лейтенанта Боске, на лепку крупных, выразительно романских черт, – ...что на румын похожи».

Румынских вояк на полуострове была не одна дивизия, а в охране стратегически важных железнодорожных узлов – так за правило.

– Ну что ж, – поскрёб Фёдор Фёдорович в куцей каштановой бородке, разглядывая карту из планшета лейтенанта. – Раз уж вас интересует перегон между Джанкоем и Владиславовкой... – Беседин ткнул в карту тупым концом карандаша. – Пожалуй, есть у меня вариант. Но сначала я должен связаться со штабом бригады.

– Это долго? – спросил Мигель.

– Может, и долго, лейтенант, но обязательно, поскольку касается подполья на этом участке железной дороги. Я знаю человека, с этим подпольем связанного. Но без санкции командования не имею права. Очень уж ценные это люди, товарищ Боске.

– О, я понимаю, Теодор... Фёдор Фёдорович, – поморщился тот, лелея за пазухой козьего тулупчика простреленную руку. – Но ведь и нас не зря прислали. Довести работу ваших товарищей до логического завершения...

Беседин внимательно посмотрел на испанца и проворчал невнятно:

– И то, правда, кой чёрт смысла в разведке, если потом не воевать. Ну, коль вас к нам воевать прислали...

Из письма работника Коминтерна С. Благоевой Георгию Димитрову:

«Старинов согласен взять всю восемнадцатилетнюю испанскую молодежь. Эта молодежь находится теперь в очень тяжелом положении. В Саратове около 100 человек – юношей, часть из них в ремесленном училище, часть на заводе – разутые и раздетые и многие разлагаются... А в армии они все станут закаленными и стойкими... и мы, таким образом, спасем испанскую молодежь...»

«В октябре 43-го, по распоряжению Ставки, специально отобранных диверсантов испанской национальности из числа участников Гражданской войны, а также особой “испанской группы” разведшколы Старинова, стали готовить для диверсий, в частности на железнодорожной магистрали Джанкой – Владиславовка – Керчь, основной линии снабжения Таманской, а позднее и Керченской группировки войск противника.

Особенно в Ставке полагались на группу Старинова, поскольку в её составе были преимущественно воспитанные в духе непримиримой борьбы с фашизмом дети испанских революционеров, вывезенные в СССР из объятной пламенем Испании ещё в 39-ом. И теперь, и без того горячую испанскую кровь немало горячила возможность отомстить, в большинстве случаев, за смерть родителей-коммунистов от рук практически тех же самых фашистов».

И всё-таки...

«Почему именно нас, испанцев?» – спросил как-то рядовой учебной роты Мигель Боске у своего командира Ивана (Хуана) Барреаса.

«Нам легче маскироваться под румын, *michacho*. Мы всегда действуем у них в тылу. Родственнички же как-никак... madre их за ногу», – не совсем понятно закончил тогда Иван (Хуан вообще-то) по-русски.

...Яблоневый сад хозяйства им. Калинина находился достаточно далеко за Владиславовкой, километрах в трёх, и в этом году никем толком не убирался. Даже жители соседних сёл особо не рвались приближаться к железнодорожному узлу: себе дороже – посты полицейских на каждом шагу, патрули полевой жандармерии то и дело стрекочут тяжёлыми БМВ и «Цюндаппами» по просёлкам.

Звучно хрупнув яблоком, Давид Далиев оторвался от щели в дощатой, неконопаченой стене весовой и с сожалением посмотрел на огрызок.

– Пойду, пройдуся, на всякий пожарный. И яблок наберу.

– Когда ты их уже нажрёшься? – бросил через плечо Малахов. – Как поросся, ей-богу.

– Э-э, слушай... – начал было Давид, но Сергей Хачариди, старший группы, посмотрел на обоих друзей-врагов выразительно хмуро.

Пожав плечами, осетин вышел на грузовую эстакаду весовой и исчез в полудённом сумраке дождевой мороси. Раскидистые деревья в этой кисее казались рукастыми призраками...

– Тут, на перегоне, поворот идёт, – продолжил подпольщик по кличке «Черепанов», тыча узловатым пальцем в сложенную карту. – Он не такой крутой, но насыпь тут высокая, потому как над заболоченной поймой. Тут машинисты и без всякого семафора притормаживают. Был случай в 38-м, – пояснил он Мигелю. – Машиниста, парнишку, стахановца, мать его, тогда чуть не посадили как вредителя... за рекорд скорости, а оказалось – насыпь просела.

Лейтенант Боске не слишком ясно понял, сошёл-таки паровоз с рельс тогда или нет, но понимающе кивнул.

– Теоретически здесь можно произвести налёт. Но, – подпольщик с сомнением покачал головой. – Подойти к насыпи, не переполошив охрану поезда, может разве что коза или корова какая. И то сама, без пастуха. Был случай, с платформы охранения столетнего деда, пастуха, из пулемёта жажнули. Так-то вот. Тут после прошлых диверсий вашего брата кругом ждут.

Лейтенант снова рассеянно кивнул, барабанил пальцами по покосившемуся дощатому столу и думая о чём-то своём.

– Значит, только с одной стороны нас и не ждут, отец? – спросил вдруг Сергей Хачариди, всё это время, казалось, занятый только наблюдением, озабоченный безопасностью встречи диверсантов с подпольщиком. Вроде бы и не прислушивался даже к беседе.

– Это ж с какой такой стороны... сынок? – спросил подпольщик, скептически хмыкнув.

Было ему, в миру Александру Чирьину, старшему машинисту маневренной бригады ж/д. узла «Владиславовка», – всего-то лет пятьдесят. Но казался куда старше. Седые косматые брови над круглой оправкой очков и пергаментная лысина над резкими складками лба. Впрочем, поскольку Хачариди, в свою очередь, не было и тридцати, то в сыновья «Черепанову» он и впрямь вполне годился.

– Что вы имеете в виду, Сергей? – очнулся наконец от своих раздумий и Мигель.

– Я говорю, – Серёга, сняв пулемёт с плеча, приставил его к столу. – Ждут нас отовсюду, это так. Но ведь прямо на платформе станции нас не ждут?..

Мигель переглянулся с подпольщиком; оба воззрились на Хачариди равно непонимающе. Тот предупредительно поднял ладонь: «не торопите, мол».

– Кто кроме козы может находиться на путях или подле? – спросил он. – Обходчик может?

– Может-то, может, – с кряхтением угнездился Александр Ерофеич на скрипучем тарном ящике. – Только ведь и обходчика немцы на дрезине возят с патрулём туда-сюда. Когда сами, когда румын привлекают.

Теперь переглянулись Мигель и Сергей Хачариди.

– Румын?

Лейтенант Боске прищурился, Сергей кивнул...

Туапсе

Несладкие раздумья Трофима Кравченко

Старший лейтенант Войткевич, зарекомендовавший себя героически во время выполнения задач, поставленных штабом КВЧФ, до сих пор вызывал мигрень у начальника флотского «СМЕРШа» и его ближайшего подчинённого, майора Трофима Кравченко.

Надо же, Яков Войткевич... С виду простодушный балагур, любимчик компании, не заподозренный в излишней моральности и карьеризме, – и всё же этот чёртов одессит мало походил на героя киноленты «Два товарища». Там сквозь одесский юмор так и сквозит высокая классовая сознательность, а тут... Претил прямо-таки чекистский нюх подлый душок чего-то исподнего, снаружи не видного, но до изжоги антисоветского. Хоть сейчас влепи 58-ю, за что – непонятно, или только за то, что непонятно...

И, не в последнюю очередь, не совсем понятно было, как, в честь чего, этот неприлично начитанный и языкатый босяк умудрился побывать номенклатурным соработником на подозрительных западных территориях. Опять же – как выскочил из всех возможных окружений 41-го, выбился из штрафников опять в офицеры...

В общем, тёмных пятен в биографии Якова Войткевича было, что у пегого поросяти. А в глубоком кармане – политическим рентгеном прозревал начальник следственного отдела Трофим Кравченко, – таилась самая беспринципная и беспартийная фигура.

Иное дело капитан Новик. Как с плаката малёванный: комсомолец, герой, чекист, будто только что от социалистической титьки Родины-Матери оторванный. Только вот рожа какая-то совсем уж не пролетарская, вылитый какой-нибудь штабс-капитан из графьёв. Видал таких в своё время, на заре туманной... Впрочем, прежде всего военной, и не под одинаковыми знамёнами, Трофим Кравченко. И не поверишь, что родители А.В. Новика – прачка да водовоз, потомственные люмпены из губернского Симферополя.

Ладно, замашки барские ещё можно списать на то, что, будучи увлечён, а после и женат на дочери чекистского божка-идола, Александр Новик долго хлюпался в сливках светского советского общества. Которые, при ближайшем рассмотрении, если не копировали, то уж пародировали великосветский старорежимный манер изрядно. Но ведь и в подлинном благородстве нельзя отказать субъекту. В том, которое пережитком называется. Чего стоит только история, когда он свой заградотряд в атаку повёл, возвратив трусов и дезертиров на позиции вспать не карой господней, а личным примером.

И веришь после такого, – ёжился Трофим Кравченко, пообщавшись с сим хладнокровным ура-капитаном, – что ежели сподличаешь... Ежели сунешься по его святому, как по мытому, то, невзирая на субординацию и партийный ранг, всенепременно получишь в морду.

Белой перчаткой, которую он потом ещё и выбросит, чтоб не мараться душевно.

Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»

Войткевич и Новик

...Кто наорал на унтерфельдфебеля Крауге через полуопущенное стекло штабного «Хорьха», он так до конца и не понял, но пропуск был терпимым, а главное – они, кто бы они такие ни были, – хотели видеть лично полицей-комиссара полевой комендатуры 676 Эриха Мёльде. А кто же без дела станет искать шефа местной полевой жандармерии? Иметь к нему дело – уже было достаточной рекомендацией. Не станут же, в самом деле, сомнительные личности нарываться на аудиенцию с главным карателем округа.

– Hebe! – прикрикнул фельдфебель на караульных. – Поднимай! Чёрт mit Ihnen...

Полосатый шлагбаум перед каменной аркой главных ворот подскочил вверх.

Увиделись ли эти визитеры с шефом «Geheime Feldpolizei»³ или, как говорят, не разбирая тонкостей, запуганные местные жители: с шефом «гестапо», или нет? – унтер-фельдфебель Крауге ни за что не рискнул бы прояснить этот вопрос, даже если бы за бдительность его повысили в звании до обер-фельдфебеля.

Прозевал своё счастье начальник караула. Вместо двух угловатых звёздочек на погон получил пулю в лоб от полевого трибунала, но это – потом. А сейчас, свернув на полпути к «форту Тотлебена» – цитадели крепости, – с мощёного проезда, «Хорьх» зарылся в заиндевевший сухостой одного из брошенных капониров «Виленского люнета», расположенного на материковых задворках крепости, откуда враг если и ожидался, то как-то не очень. Сами же пассажиры, без всякой жалости расставшись с офицерским регланом и унтерским дождевиком, вдруг обратились в обыкновенных солдат батальона тыла. Причём во избежание подозрений и домогательств, отнюдь не праздношатающихся. Взяли на плечо по ящику из расчисточной свалки, оказавшейся поблизости врытых в скалу казематов, и с целеустремленной ленцой носильщиков побрели «куда надо» – как для постороннего глаза. Правда, не совсем чтобы налегке. Что-то они в ящики положили, вынув из вещмешка и из-за пазухи. Что-то продолговатое, бережно завернутое в ватин и вощённую бумагу.

И вот теперь гефрайтер и фельдфебель, они же капитан и ст. лейтенант – здесь. В двух шагах от форта «Тотлебен», на крыше бывшего погреба, рассчитанного аж на 9 тыс. пудов пороха. Порохового погреба, соединённого с фортом, если верить картам бывшего стратегического склада ЧФ, подземным ходом и не одним. Теперь тыловые бездельники оказались явно при деле. Один «сменил» часового, удавив того локтевым захватом. Впрочем, «сменил», несколько опасаясь, как бы и к нему самому не нагрянула смена. Бог весть? Время как раз для позднего ужина. Вполне могло оказаться, что смена караула будет приурочена к такому регламентирующему моменту, как приём пищи. Поэтому первый и поторапливал второго. А тот, закончив исследования старинного вентиляционного колодца, неторопливо вытирал руки полый мундира, сидя на корточках и рассуждая вполголоса:

– Карты не соврали, вытяжка бесхитростная, как в люфт-клозете. Немцам пришлось сооружать ещё и принудительную вентиляцию, я слышал, как электромоторы жужжат, что твои мухи в том же заведении.

³ Тайная полевая полиция – действительно в чем-то армейский аналог гестапо для 500 км прифронтовой зоны. В общем же, несмотря на то, что собственно гестапо на оккупированных территориях никогда не действовало, этим именем, как нарицательным, называлось любое учреждение карательного толка, которых при оккупационной администрации было предостаточно.

– А старую вентиляцию что, не заделали? – недоверчиво покосился на него через плечо Новик. – Туда же не то что мина, самому влезть можно...

– Потому часового и выставили, – согласно кивнул Войткевич. – Даже мешками с песком не обложив, шоб не заснул, подлюка, а суетился, как... – Яков насмешливо глянул снизу вверх на капитана, нахохлившегося в караульной шинели, позаимствованной от убитого часового, – с капюшоном, высоким воротником, застегнутым под горлом на хлястик. И тем не менее Новик зябко топтался и крутился на месте, отворачиваясь от порывов ветра. – Как припадочная балерина, – заключил в конце концов Войткевич.

– Пошёл ты... – тихонько проворчал Новик, но адрес не уточнил.

– Сейчас, всё брошу. Не заделали, – обстоятельно продолжил старший лейтенант, будто и не в глубоком тылу врага они находятся, на складах флотилии «Кригсмарине», а снова ползают на животе по масштабированным планам старой крепости и недавней керченской военно-морской базы. Далеко отсюда, на той стороне пролива, где в кабинете начальника разведотдела полковника Гурджавы всегда можно отыскать на библиотечных полках початую бутылку «Аргуни», исчезновение которой гордый грузин наверняка «не заметит».

– Не заделали, потому как принудительную вентиляцию вставили, извиняюсь, в пассивную, – оставив полу в покое, Яков полез за пазуху куртки, доставая мятую пачку «Soldatischen Zigaretten». – Поленились фрицы новый шурф долбить. Ничто, понимаешь, человеческое им не чуждо, ибо, как бы ни был фашист работащ и исполнитель, – закончил он философски, – ...а «ну его на хрен» – и он исповедует. Так что всё.

Яков сунул сигарету в угол рта, но подкуривать не стал.

– Хватит Берте под юбку заглядывать, – пробормотал он невнятно. – Не ровён час, спугнёт... Лучшего места для распыления смеси и не придумаешь.

– Вентиляция слишком разветвлённая, – как бы про себя, но вслух подумал Новик. Голос прозвучал глухо из-за поднятого чуть ли не до носа ворота шинели.

– Думаешь, разнесёт концентрацию? – глянул на него снизу вверх Яков из-под глубокого козырька каски.

– Лучше не затягивать, – подтвердил Александр. – Тем более что скоро «Адмираль Шварц Зее» начнёт искать своего пропавшего инспектора, а шеф «Марине Абвер», в свою очередь, своего гостя.

– Ну так и я на их месте забеспокоился бы, «а где бабушка?..» – развёл руками Войткевич. – Только тут была, торговала пирожками с требухой. И на тебе, ни пирожков, ни требухи...

– Как бы от нас самих один ливер не остался, – оглянулся капитан на ящики, принесённые ими и оставленные у старой вентиляционной шахты.

В ящиках в зареве прожектора отливали глянец небольшие баллоны. При ближайшем рассмотрении – начинка отечественного ранцевого огнемёта и, аналогично, немецкой «Brandmine» – огневого фугаса. «Gas» и «Кислород», – белели надписи на двух языках на чёрных, небольших – с локоть длиной – баллонах, шланги от которых, соединившись в редукторе, срастались в один. Тот, в свою очередь, шипя и подрагивая, как змея, нырял в колодец, невидимый в заиндевелом сухостое.

– Да ну... – отмахнулся Яков, также покосившись на нехитрую баллонную конструкцию, но в отличие от капитана, смотревшего с трезвой опаской, посмотрел он не без удовольствия.

Идея посетила изобретательного Войткевича ещё во время изучения карт и планов керченской базы КВЧФ. Для этого в трофейный, способный выдержать гораздо большее давление баллон «Brandmine» был закачан летучий авиационный бензин. А в отечественный ОР – кислород.

– Как он насчёт детонации? – спросил тогда с сомнением капитан Новик, повертев в руках баллон, принесённый Войткевичем после перезарядки с экспериментального водозлазного участка. – В том смысле, если я с ним крепко о землю ударюсь?..

– Да хоть вообще парашют не раскрывай, – отмахнулся Войткевич, демонстративно берясь за вентиль баллона, чтобы колоть рассыпанные по карте орехи лещины. – Детонировать может только смесь и то, если создать давление, как в цилиндре дизеля. Вот тогда... – он задумчиво посмотрел на баллон, занесенный над жёлтыми орехами. – Тогда рванёт так, что никому не покажется мало.

– Тут только земли метров десять, – не столько Новика, сколько сам себя успокоил Яков. – В худшем случае подпрыгнем и на жопу упадём. А вообще, что за шухер? У нас с вами есть на чём отсюда убратся, – мотнул он головой в сторону капонира, где почти полностью скрылся оливково-зелёный «Хорьх» адмиральского помощника. – По-быстренькому.

– Ага, полетим на огненной колеснице, – хмуро заметил Александр. – Аки пророки.

– Да хоть паче ангелы. Вопрос не в этом, – пожал плечами Войткевич. – Вопрос в том, куда мы на этой колеснице покатымся? Второй раз номер с аусвайсами «Адмирала» может и не пройти.

– Наверняка не пройдёт, – уверенно кивнул Новик.

– Значит, по-английски, то есть по-тихому, уйти не получится, – легкомысленно пожал плечами Войткевич.

– А шумно, это как, по-твоему? – нахмурился Александр. Практика подсказывала, что чем беспечнее становился тон старшего лейтенанта, тем проблематичнее становилось выпутаться из его авантюр.

– Услышите, Саша, – Яков, кряхтя, поднялся из высокого сухостоя. – Я вам обещаю. А пока лучше запрягите наш кабриолет, а то я как-то не в курсе, куда пихать его коням кривой стартер, если что. – Он направился к обложенному кирпичами колодцу, пригибаясь от вспышек прожектора и продолжая, по обыкновению, что-то ворчать под нос. – А я пока проверю утверждение: «Курение вредит вашему здоровью», – закончил он фразу уже у края не приметной дыры. Чёрной на фоне трав, посеребрённых инеем.

Достал фанерный коробок спичек с имперским орлом на этикетке и, не спеша подкурив, не стал тушить крохотный огонёк, бережно пряча его в ладони...

Район действий партизанского отряда Ф.Ф. Беседина

Хачариди и Боске

– План имеет риск, но может и привести к успеху, – заключил лейтенант Боске, выходя из дверей весовой на дощатую эстакаду и пряча планшет под полу гражданского пальто.

– Особенно, если по-румынски ты говоришь не так, как по-русски, – хмыкнул Сергей.

– Я плохо говорю по-русски? – ревниво перепросил испанец.

– Почему? – пожал плечами Хачариди. – Отлично. Спроси ты таким манером Большой театр в Москве, тебя любой мгновенно бы понял и препроводил на Лубянку.

– Зачем? – слегка удивился лейтенант. – Большой театр не на Лубянке, я знаю, на Театральную площадь надо. А на площади Дзержинского нет театра.

– Зато там есть пункт приёма шпионов, их туда сдают, как стеклотару, авоськами.

С минуту они всматривались друг в друга испытующе. Но Сергей – едва сдерживая улыбку, тогда как Мигель выискивая в его смешливых глазах подвох.

Чем-то похожими оба парня были. Средиземноморским отливом меди в лице? Миндалевидным разрезом глаз? Упрямыми завитками чёрных как смоль волос, даром что стриженных с армейской бесцеремонностью? Они казались, пусть седьмого киселя, но родственниками. Грек и испанец. И похоже было, что чувства питали друг к другу вполне братские. Причем чувства старшего брата к младшему со стороны рядового Хачариди. И младшего к старшему – со стороны лейтенанта Боске. Должно быть, потому что опыт младшего по званию, но старшего на десять лет, а более того – на две войны, – был на стороне Сергея.

Как едва ли не всякое ключевое знакомство в биографии командира партизанской разведгруппы Сергея Хачариди, знакомство его с Мигелем Боске произошло при обстоятельствах, протокольно называемых «в обстановке боя». Случилось это за месяц до памятной вылазки на Владиславовку.

...В горах источник звука определить трудно. Зародившись в одном месте, эхо много раз отразится от каменных стен и прокатится в провалах и скальных расселинах, прежде чем коснётся уха с неожиданной стороны. Но Сергей Хачариди, услышав вроде бы буквально в нескольких шагах впереди автоматную очередь, даже не шелохнулся. Шёл, как шёл, неся грозный свой ZB за ручку на ствольной коробке. Володька же, напротив, шарахнулся назад, едва удержавшись, чтобы не присесть в высоком сухостое.

Следом за очередью захлопали винтовочные выстрелы, а затем бухнула граната, и звук разрыва, незримо отскочив от серых утёсов, объявился справа и слева низины.

– Это внизу, в долине, – не оборачиваясь, бросил Сергей.

Володька отряхнул цепкие семена со штанов и сказал важно:

– Я так и подумал.

– Так и подумал... – то ли дразнясь, то ли случайно повторил Хачариди.

Вскоре рыжие листья и сухие соцветья расступились, будто осыпались, и открылась пейзажная панорама долины Коккоз, восточного её окончания. Разлинованная цветными лоскутами садов и полей, долина разворачивалась километров на двадцать-тридцать. Тут и там её обуглили пятна пожарищ – здесь в 41-ом отступала в сторону Севастополя наша 383-я стрелковая.

Присев на краю обрыва на одно колено, Сергей приставил к глазам бинокль.

Деревня. Пасутся козы, семенит куда-то женская фигурка с узелком, клюет воду в невидимом отсюда колодце «журавль». Только кирпичные трубы, ржавые короба вентиляции с китайскими шапочками козырьков, да проваленный плоский шифер цехов консервного завода, бывшего «Кадо», выделяются на этом пасторальном фоне своей сравнительной «индустриальностью».

Оттуда, от консервного завода, и раздавались звуки перестрелки, и возле развалин мелькали, сутулясь и приседая, коричневые человечки. Румыны. И на дороге, идущей мимо завода к селу, стоял камуфлированный осенним листопадом фургон. Не один, судя по желтоватым клубам ещё не осевшей пыли. Другой, видимо, объезжал развалины разбомбленного завода с другой стороны...

...С тех пор как едва не прошитый огненными пунктирами трассеров Родриго покатился по прелой траве костровой площадки, он, кроме лейтенанта, никого из своих больше не видел. Нет, не совсем. Несколько секунд где-то рядом, видимо, прикрывая их приземление, часто грохотала «пила Гитлера» – немецкий пулемёт «MG-42» в руках Луиса; и Родриго, кажется, даже видел краем глаза, как Луис кувыркнулся в чёрную бездну за край обрыва, подброшенный огненной кляксой разорвавшейся гранаты.

Что было далее? Бог весть, ибо сам он рванулся в спасительную мглу близкого, в десятке шагов, леса, прочь от треска и грома, огненных брызг и вспышек.

Извиваясь ящерицей, Родриго проделал всего несколько футов, как на него обрушился враг. Толкнул в спину, едва он попытался вывернуться, так что парнишка уткнулся лицом в траву, перехватил руку Родриго, рефлекторно потянувшуюся к кобуре на поясе. И горячо зашептал ему в самое ухо:

– Silencioso! No se contraigas!

И прежде чем Виеске решил, похоже ли это на румынский, слышанный в учебке, «враг» продублировал на русском языке:

– Тихо! Мать твою!

В следующую секунду Родриго увидел рядом смуглое лицо лейтенанта Боске. Над их головами, выпалив сухостой до слепящей белизны, проскользнул луч прожектора.

Мигель Боске несколькими резкими взмахами тесака обрезал стропы на ногах Виеске и, встав на коленях, отщёлкнул приклад «шмайссера». Упёр его в плечо и дал щедрую очередь прежде, чем белая борозда света пропахала траву до места, где вяло шевелились их с Родриго брошенные парашюты.

Очередь расшвыряла мышиную возню у треноги зенитного пулемёта. Зазвенел линзами и мгновенно угас прожектор. Почти сразу же наступила и тишина. И лишь спустя минуту раздалась голоса перекички и команд на румынском.

Откуда был «погашен» прожектор, видимо, заметить никто не успел.

– Отходим, – шепнул лейтенант. – Отходим к месту сбора. Если кто ушёл, то там будут.

Условленным на такой случай местом сбора были руины консервного завода «им. Л. Кагановича» поблизости селения Коккоз.

Сначала пробирались незамеченными, а потом, когда рассвело, напоролись на жандармский разъезд. Отстреливаясь, Боске и Родриго вышли к заводу первыми. По тому, что несколько раз в стороне и позади вспыхивала перестрелка, можно было понять, что не все остальные десантники погибли этой ночью, но на их подмогу надеяться не стоило.

И вот теперь Родриго ловил врагов в кольцевую мушку немецкого «Маузера».

Коричневая фигурка всплеснула руками, выронив такой же, как и у Родриго, карабин, и сползла вниз по кирпичному брустверу. Но тут же, выскочив откуда-то справа, из-за баррикады разошедшихся бочек, появился ещё один румын и выстрелил, – пуля высекла искры и кирпичную крошку у Виеске над головой. Родриго передёрнул затвор и спустил курок. Мимо! Но румын благоразумно залёг в бурьяне.

Значит, есть пара секунд, чтобы перезарядить карабин. И надо ещё успеть и снарядить обойму командиру: управляется он одной левой. Правая, с кое-как перевязанной кистью, вся в крови и почти не слушается лейтенанта, – как тут перезарядишь...

Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»

Войткевич и Новик

Жестяной короб вентиляции подрагивал под кирпичными сводами подземелья и над головами двух пародийно непохожих офицеров: рослого полицей-комиссара Керчи оберстлейтнанта Эриха Мёльде – образцового арийца, рослого и белобрысого бестии, и столь же эпического «нибелунга»⁴ по роду службы и зондерфюрера⁵ по званию, – соответственно, сутуловатого и лысоватого коротышки Мартина Бергольца.

– Странное место, однако, выбрали для хранения столь дорогостоящего оборудования, – с презрительным недоумением изломил белесую бровь оберстлейтнант. – На топливном складе. Рядом с тоннами бензина? Кому эта глупость пришла в голову?

Он приложил уголок платка к тонко вырезанным ноздрям, пытаясь перебить бензиновый угар туалетной водой.

– Ну, отчего ж сразу глупость? – закончил протирать румяную лысину зондерфюрер и, спрятав платок, накрыл её фуражкой. – С тех пор как русские начали свои неистовые бомбардировки, хранить такое хрупкое оборудование на заводе стало просто опасно. Тогда как подземные казематы форта – едва ли не самые надежные укрытия в городе.

Мартин Берголец, прихватив фибровый козырёк фуражки, запрокинул голову и выразительно уставился на кирпичный свод потолка, будто призывая и полицей-комиссара убедиться в том, что многослойный накат земли и камня и впрямь выдержит любые бомбардировки.

– Эти подземелья выдержали даже, когда русские, уходя, взорвали тут минный склад и запас артиллерийских снарядов корабельного калибра, можете вообразить?

Может, шеф «Geheime Feldpolizei» и мог вообразить себе подобный апокалипсис, но выражение крайнего скепсиса не покинуло его скульптурную, как римский бюст, физиономию. На потолок оберстлейтнант даже не глянул. Тогда зондерфюрер резюмировал в качестве последнего аргумента:

– А что до авторства распоряжения, – он сделал значительную паузу. – Поместить сюда электрооборудование «Южного объекта» распорядился ещё Командующий войсками Керченской дороги⁶.

– Генерал-лейтенант Лухт? – недоверчиво хмыкнул Эрих.

– Так точно! – энергично кивнул зондерфюрер. – Сам. Одновременно с размещением имущества эвакуированной 17-й армии сюда доставили и это...

Он обвёл рукой внушительные дощатые ящики и фанерные короба, облепленные трафаретными чёрными орлами и торговыми знаками «Die Industrielle Elektrotechnik».

– Значит, они тут с сентября, – констатировал оберстлейтнант.

– Так точно.

– Похоже, в актуальность строительства в предместьях Берлина уже не верят, – рассеянно пробормотал Эрих, повторяя пальцем буквы и цифры маркировки на боку одного из ящиков: «64HCS – 380V». Он безглаголиво стер с пальца серый отпечаток пыли.

⁴ Хранителя сказочных сокровищ (герм. эпос).

⁵ Военный чиновник зачастую интендантской или трофейной службы.

⁶ Все время, пока немцы обороняли т. н. «Голубую линию» – Таманский плацдарм, – Керченский полуостров ввиду важности обеспечения плацдарма был выделен в отдельный военный округ «Керченской дороги» (Befehlshaber der Strabe Kertsch).

– Ну, почему же? – подскочил на плече «нибелунга» погон с сутажным шнуром военного чиновника. – Не далее как три дня тому комиссия штаба технических войск проверяла комплектность, кое-что даже вскрывали, – он указал на свежие жёлтые сколы сосновых досок. – Причём в присутствии людей из Абвера.

– Абвера? – на лице оберстлейтнанта впервые проявилось подобие живой заинтересованности. – Они что, представились?

– Нет, конечно, – фыркнул коротышка Бергольц, как самовар, в трубу которого качнули сапогом. – Я просто знаю в лицо кое-кого из абверкоманды армии.

– И кого же, интересно? – нахмурился оберстлейтнант.

– Жаркова, штандартенфюрера Жаркова.

– А, этого русского, – задумчиво протянул Эрих. – Да уж, персонаж запоминающийся...

Он неприязненно поджал губы. Ничего хорошего не предвещала активность военной разведки в 500-км прифронтовой зоне, безраздельной вотчине «тайной полевой полиции», что по команде замыкалась на контрразведку армии, отдел 1С. Дело Абвера – осуществлять некие сверхсекретные операции ОКВ *Oberkommando der Wehrmacht* там, за линией фронта. Но если абверкоманда топчется здесь, по эту сторону (оберстлейтнант Мёльде раздражённо хлопнул перчаткой в ладонь), значит, что-то или кого-то он, полицейско-комиссар, ответственный за безопасность армейского тыла, пропустил, прозевал. Значит, где-то у него в самом задку занозой сидит какое-то активное русское подполье или, того хуже, шпионская резиденция.

– Вы картографировали все подземные ходы, ведущие в крепость из города? – так неожиданно сменил тему полицейско-комиссар, что зондерфюрер на мгновение онемел.

– Понятия не имею, – наконец вырвалось у него так неловко, хоть залепи рот пухлой ладошкой. – Планов крепости у нас нет, а ей без малого сто лет, – затараторил он, гипертонически краснея и всё больше напоминая самовар, кипящий сердито и сконфуженно одновременно. – Мало ли, чего и сколько могли тут нарыть, так что...

Он, казалось, истощиваясь развел руками, но Мёльде продолжал на него тарашиться с каменной безучастностью оракула, ожидающего ответа.

– Солдаты постоянно находят всё новые и новые ходы и помещения, – нехотя продолжил «нибелунг». – Но мы не успеваем их всех обследовать. Что-то тут чересчур бензином несет... – нашёл он вдруг счастливую увёртку от обсуждения своих недоработок. Шумно приняхиваясь, остановился. – Слышите? Какой резкий запах, как у авиационного керосина, – ткнул он пальцем чуть ли не в грудь Мёльде.

Словно очнувшись, оберстлейтнант отпрянул от его толстого пальца и пожал плечами в скрипучем чёрном реглане: «*Der Idiot...*» В длинный коридор выходили арочные проемы штолен, заставленных ребристыми бочками с бензином и дизельным топливом. Чему тут ещё вонять-то?

Перехватив его взгляд, зондерфюрер смущённо прочистил горло, но всё-таки настоял:

– Как-то слишком. Пройдёмте в мой, так сказать, кабинет. Тут есть каземат чуть в стороне. Я позвоню оттуда, а потом продолжим.

Их тени – монументальная и по-крысиному сгорбленная, – перебрались с бетонного пола на бурую кирпичную стену с белой контрастной надписью: «*Achtung! Die Feuergefahr!*» – «Огнеопасно!»

– Резкий запах бензина, Вальтер. Да. По всему помещению, – сразу же взялся за трубку в каменном закутке Мартин, не столько присев, сколько вскочив на край внушительного стола. – Вы бы осмотрели на предмет утечки, чем чёрт...

Оглушительный хлопок заставил вздрогнуть и обернуться оставшегося в дверях оберстлейтнанта. Вроде бы ничего... Но вдруг яркая вспышка выбелила его лицо как фотогра-

фию, забытую в проявителе. Шквал пламени багрово-золотым валом прокатил по коридору поодаль, вихрем ворвался в ответвление «кабинета».

Зондерфюрер Бергольц так и остался стоять с открытым ртом и с телефонной трубкой в руке. Оберстлейтенант Мёльде успел прикрыть лицо локтем, прежде чем ударная волна опрокинула его за дубовую тумбу стола. В рёве пламени потонул чей-то истошный звериный вой...

Наверное, такой и приснилась К. Брюллову «Гибель Помпеи» после попойки на даче Кулебякиных. Картина была, может, и не столь динамична и драматична в плане разрушений и человеческих жертв, но геологически...

Вздрогнул весь скалистый мыс – чёрный на фоне свинцового неба, чуть более светлого за счёт спрятанной в тучах луны. Тяжёлый гул прокатился, казалось, грядой низких туч, приводя её в движение, и мгновенье спустя один за другим, правильным точечным пунктиром, по чёрной глыбе мыса вспыхнули огненные фонтаны. Будто запертая в скале вулканическая лава наконец-то нашла на склонах горы щёлки, чтобы вырваться наружу огненными гейзерами. Тектоническая встряска повторилась вновь и вновь, сотрясая всю сторону «Виленского люнета»; золотые вихри, сметая железные створы ворот, взвились над карнизами сводчатых казематов. Последним оранжевым мазком в картину вписалась горящая бочка: она, странным образом вылетевшая из подземелья наружу, покатилась, подскакивая, вниз по эскарпному срезу рва. Крепость, только что притаившаяся в маскировочном мраке, на глазах оживала электрическим заревом прожекторов, заходила истерикой сирен. В этом море электрического и живого огня пара синих подслеповатых фар «Хорьха» не сразу привлекла внимание.

...Подскакивая на случайных препятствиях, вроде деревянных поддонов, трещавших ореховой скорлупой, на толстых силовых кабелях, оливково-зелёный «Хорьх» мелькал в свете причальных и корабельных огней, летя к окончанию пирса. Мчался, вытаращив глаза фар, с такой самоубийственной целеустремлённостью, что даже портовые работяги из числа учебного батальона, увернувшись от выпяченного бампера, забывали разразиться ругательствами или, что было бы, наверное, ещё более кстати, схватиться за штатные «Маузеры», составленные в пирамиду. Создавалось впечатление, что террористы, во избежание пыток в застенках «Гехаймфельдполицай» или армейской контрразведки, решили исчезнуть в волнах залива, то и дело вздымавшихся в конце пирса фосфорной короной. Или рассчитывали по дну пролива доехать до Тамани.

Такое же впечатление сложилось и у Новика. Почти бесшумно пальнув пару раз в приоткрытую дверцу авто, – ветер относил назад звук выстрела с таким молниеносным проворством, что ухо не успевало их уловить, – он покосился на Войткевича, увлечённо крутившего баранку, и хладнокровно поинтересовался:

– Мы едем куда-то? Или куда вывезет?

– К Христу за пазуху! – почти отдельно процедил сквозь зубы Яков, очевидно опровергая это направление прицельной сосредоточенностью на лице и ловкостью, с которой он заставлял «Хорьх» отскакивать от бочек и штабелей складских ящиков в поисках какой-то, определённо известной ему, цели. Как будто не всё равно было, каким образом свести счеты с жизнью? Грнуть в ящики с зенитными снарядами 88-го калибра, взорваться в пирамиде бензиновых бочек или нырнуть в ночную волну...

Но, мельком глянув в ту же сторону, куда, словно намагниченный, то и дело возвращался взгляд Якова, только и заметил Александр:

– Ну-ну, – и на всякий случай улучив момент, снова приоткрыл дверцу. Ледяной встречный воздух тут же затуманил глаза шальной слезой, но всё-таки Новик успел откинуть выстрелом из кургузого «Вальтера» фигуру, темневшую на фоне кормового огня у трапа, ведущего с пирса вниз, к длинному и узкому корабельному корпусу.

Танкодесантный корабль типа «Marine Fahr Prahme» – морская самоходная баржа с осадкой всего 1,45 м, – даже подсакивая на волнах, оставался гораздо ниже пирса, сложенного из тёсаного камня лет тому полтораста. Если бы не надстройка, а скорее – артиллеристская платформа с 75-мм пушкой, угрюмо уставившейся коротким дулом вниз, да двумя 20-мм автоматами, задорно вскинувшимися стволами зенитных спарок вверх, – этакой низкой посудыны и не заметишь. Но Яков уже давно приметил это, вполне подходящее для экстренной эвакуации плавсредство всего полста метров длиной, – как раз, чтобы с ходу влететь на его танковую платформу и затормозить.

Александр едва успел упереться в лобовое стекло, когда, соскочив с пирса и клюнув палубу бампером, машина прогрохотала по ребристым пайолам.

– Руби концы! – с этими словами лейтенант Войткевич вывалился в свою дверцу.

«Хорьх» почти боком остановился перед бронированным щитом рубки.

Встав на подножку, капитан Новик обернулся.

Тени швартовых концов чёрными змеями плясали на серой стене пирса. Толстые концы болтались на чугунных кнехтах, подозрительно похожих на допотопные трехфунтовые пушки, врытые казённой частью вверх. Должно быть, так оно и было после многочисленных переподчинений и упразднений крепости. Капитан нацелил «Вальтер» на чёрные болванки кнехтов, к счастью, хорошо освещённые береговыми огнями и разгоревшимся пожаром, и взвёл курок. Впрочем, первый выстрел достался часовому, возникшему поверх стены, но два следующих уgomонили чёрных змей – швартовые концы оборвались в воду, уже вздыбленную винтами между резиновыми брусками кранцев. Это за бронешитком тесной рубки орудовал лейтенант Войткевич, накручивая маленький, словно игрушечный, штурвал.

Пули зазвенели по клёпаному щитку, рикошета и выбивая щепу из деревянной палубы. Яков пригнулся. Александр присел за вытянутым рылом «Хорьха». На краю пирса уже прихоронился бочком первый мотоцикл с коляской преследователей; часто глухо, как простуженный, залаял «MG-42».

Дружно взревели три дизеля баржи, разворачивая баковую аппарель в сторону пролива. Александр, улучив момент, тоже нырнул за бронешиток, опустился на низкое маленькое сиденье и локтем утёр мокрое лицо.

– Один чёрт, не выпустят, – заметил он по обыкновению флегматично, словно речь шла не о его собственной судьбе, а о будущем картошки, расставленной комбригом Чапаем на карте сражения: один чёрт, в суп.

Как ни странно, более чем разговорчивый одессит – Яшка Войткевич – промолчал. А что тут скажешь? Керченский залив, пролив, весь крымский берег превращен немцами в сплошную линию береговой обороны: от гаубичных батарей до аэродромов гидропланов. Акватория, в свою очередь, кишмя кишит сторожевиками и БДБ. Плюс мины – даром, что наши, в своё время накиданные в пролив, чтобы запретить в многочисленных портах Керчи досаждающие «Зибели» и ещё более опасные «Шнелльботы». Едва ли мины будут благосклоннее к соотечественникам. Да и погоня не замедлила поспеть...

Оккупированный Крым

Тогда, в долине Коккоз...

Долина была обставлена лесистыми горами и глухими стенами скал, и спуск в неё был довольно крут и небезопасен. Вилась, опасливо сторонясь осыпей, гравийная дорога, трамбованная кремневым щебнем. Когда телега поравнялась с крайними валунами, похожими на черепа великанов, из-за ближайшего вышел Сергей Хачариди.

Конь, недовольно фыркнув, встал, но поднять морду так и не удосужился.

– Здорово, отец, – дружелюбно поприветствовал возницу Сергей, по-прежнему держа пулемёт в одной руке, как привычную подорожную ношу.

– Я всегда знал, что это хреново закончится... – вместо приветствия неожиданно выдал старик.

Серёга удивлённо хмыкнул, но кивнул, дескать: само собой. И, подойдя к телеге, положил руку на рогожу, закрывавшую борт, мельком заглянул за него – ничего, кроме прелой соломы и пары пустых мешков.

– Что там за стрельба, отец? – кивнул через плечо Хачариди в сторону невидимых отсюда заводских развалин. От них снова донёлся беспорядочный треск перестрелки.

– Я же говорил... – пожал плечами старик, очевидно, собираясь развить первоначальный тезис, но глянул на Сергея и махнул рукой. – Хрен его знает, что там за пальба, господа товарищи, – скрипуче проворчал он. – Вроде румыны промеж собой чего-то не поделили, а немцы не сунутся. Да их там и немного, – счёл необходимым уточнить возчик, покосившись на пулемёт в руках Сергея. – Офицер германский да пара солдат.

– А подумать?

– Думаю, кого-то из ваших там ловят. Они или в румынской форме, или я не тех разглядел, – старик маялся неодолимым желанием побыстрее поступить сообразно волчьей мудрости.

– И где ты «не тех» разглядел, отец? – не отпускал телегу, по-хозяйски опершись на её борт, Сергей. – Которые в румынской форме?

– Возле котельной, – старик, не глядя, ткнул рукояткой кнута через плечо. – Там, где труба. Всё у вас, господа товарищи? Поспешаю я, да и не знаю больше ничего.

Старик вновь подобрал одной рукой вожжи, другой распустил кнут.

– погоди, отец, – придержал телегу Сергей. – Скажи сперва, как ты собирався драпать? Уж не на этой ли кляче царя Македонского?

И тут возчик совершил непростительную ошибку.

– Да не будь он калеченый, Орлик-то, он бы сейчас эх как воевал бы!..

– А мы ему сейчас такой шанс предоставим, – похлопал Хачариди по крутому, лоснящемуся конскому боку. – Да, Буцефал?

Орлик покосился на него из-под густой чёлки и скептически фыркнул.

... Впрочем, конёк напрасно себя недооценивал. Высоко взбрасывая передние ноги, он скакал по грудам битого кирпича и брустверам заросших воронок. Сергей стоял в телеге во весь рост и яростно оглаживал животину кнутом.

Залихватский разбойничий посвист произвёл впечатление на карателей. Те как-то разом бросили стрелять, провожая изумлёнными взглядами телегу, которая неслась по развалинам, грозясь рассыпаться в пух и прах. Прямо Илия в колеснице – вот какой там был возничий. Вроде бы в штормовке маскировочной такой же, как и у них, и вроде бы лается по-свойски: «Дутен!..» – но, если ясно куда, то кого посылает, совершенно неясно.

А что господа офицеры? А у господ офицеров, как всегда, разлад. Румынский подполковник Миху, оскорблённый тем, что операцию по захвату диверсионной группы возглавил какой-то лейтенант немецкой полевой жандармерии, бежит, пригибаясь, вдоль цепи стрелков наперерез телеге и орёт, чтобы не стреляли. Вознице орёт или своим стрелкам? Непонятно.

Немец же, напротив, лично взгромоздился на колясочный БМВ-32 и, подняв мотоциклетные очки на каску, лягнул рычаг акселератора. Унтер – пулемётчик в коляске, – дёрнул на себя затвор «MG», повёл ребристым кожухом ствола, пытаясь поймать «колесницу». Но, как только тяжёлый мотоциклет распиная ржавые бочки и взобрался на ближайшую кирпичную насыпь, латунный жетон с распластанным орлом на груди пулемётчика пробили чёрные дыры, из которых засочились вишенные струйки. Унтер помотал головой и осунулся лбом на ложе приклада. А тут и с плеча лейтенанта сорвало алюминиевую косицу погона, и сам он свалился куда-то набок.

Как при такой тряске Володька умудрился скосить жандармов, он и соврать не сумел бы. Но скосил ведь...

С принадлежностью «чёртовой колесницы» всё стало ясно, но как-то поздно. Она уже скрылась за сиренево-рыжими отвалами позади котельной.

– Товарищ! Товарищ! – схватился Родриго за сбрую взмыленного Орлика.

– Румын, что ли?! – опешил Серёга, присев на облучке, не столько, впрочем, от удивления, сколько от цвиркнувшей над головой в штукатурку пули.

– Вы «El guerrilleros»? Партизаны, да? – больше с мольбой об утвердительном ответе, чем просто с вопросом, смотрел парнишка в глаза Хачариди.

– А вы кто? – высунулся Володька.

– El comunista español, soviético⁷, – затахтел горячечно Родриго. – Viva la revolución!

– И тебе того же, – прыгнул с облучка Серёга. – Ты что, по-русски совсем не рубишь?

– Нет, почему? Понимаю, конечно, – смутился парнишка. – Просто...

– Понятно, – кивнул Хачариди. – Обос... Переволновался, в общем. Много вас тут?

– Ещё командир, он ранен, много крови потерял, – потащил его за рукав Родриго к развалинам котельной, но Серёга вырвался.

– Володька, помоги малому! – распорядился он, выхватив у Володи пулемёт и жестянку с обоймами. – А я пока этих постращаю...

...И вытащили испанцев. Вывезли на телеге почти до того же самого места, где её отняли у старика. Почти все патроны расстреляли, отгоняя настырных румын.

Орлик тянул, сколь мог, и только когда увидел хозяина, подогнул передние ноги, а потом свалился и забился в агонии. Не сосчитать, сколько в него пуль попало, но если было у Орлика таковое понимание, то отбросил он копыта с чувством выполненного долга.

– Жизнь прожил скотскую, но помер героически, – хладнокровно прочитал отходную по коню Сергей, переводя планку предохранителя на одиночные.

Дальше пробирались пешком.

Командир, лейтенант Мигель Боске, держался неплохо, хоть и всё темнел лицом. Но скоро на выручку подоспели партизаны с ближнего заслона...

⁷ Испанские коммунисты, советские (исп.).

Крепость «Керчь». Район форта «Тотлебен»

На пристани...

– Какого чёрта!

В подстреленной для его роста солдатской шинели, явно с чужого плеча, согбенная фигура возникла на окончании «Минного» пирса в радужном ореоле брызг. От бывшего величия безукоризненных антропологических данных мало чего осталось.

– Какого черта? – хрипло повторил оберстлейтнант Мёльде, оттолкнув денщика гефрайтера. Крикнув, тут же болезненно скривился, пряча правую половину лица в окровавленном марлевом тампоне. – Хотите, чтобы береговая артиллерия потопила их первым же залпом?! – зло просипел он коменданту порта. – Или думаете, там, на батареях, будут особенно разбираться, кто и зачем подался в сторону русских?

Командир экипажа, ринувшийся было на поплавок парома, запнулся и недоуменно обернулся.

– Живыми они мне нужны, живыми! – выразительно зашипел оберстлейтнант, слепо выискивая растопыренной пятерней, кого бы ухватить за грудки. – Ну?!

Подстегнутый этим: «Ну?!» – боцман-маат отмахнул от виска ладонью и, увернувшись от ищущей руки полицей-комиссара, вскочил на поднятый трап катамарана, уже тарахтевшего бензиновыми моторами, чтобы рвануть вдогонку отчалившей барже.

Начальник Тайной полевой полиции и полицей-комиссар полевой комендатуры FK 676 Kertsch, с трудом распрямившись, замер на оконечности пирса в позе Нельсона, поджав тонкие губы и закрыв один глаз скомканной санитарной повязкой.

В проливе...

– Прямо кино «Волга-Волга...» – покачал головой Войткевич, выглянув поверх бронешитка, когда озарённый багровыми отсветами мыс Ак-Бурун стал понемногу отступать в ночь. Ночь, далёкую от тишины и благообразия, в которой словно носились, завывая, невидимые горгульи сирен. Яркими голубоватыми крыльями порхали лучи прожекторов, вспарывая низкие свинцовые тучи, зажигая фосфором гряды волн, на которых грузно подскакивали угловатые контуры «Зибелей», подсвеченных беспрестанными очередями зенитных автоматов – их ритмичный грохот, развеянный ветром, казался легкомысленным треском петард.

– Погоня плотов за колёсным пароходом, – пояснил свою мысль Яков, обернувшись. – Один другого расторопнее. А ещё «быстроходные»...

Действительно, название «быстроходных» немецкие десантные паромы носили не совсем заслуженно. Зато, по правде сказать, на любой волне, даже штормовой, эти самоходные плашкоуты держали свои 10–10,5 узла. Столько же, сколько и десантная баржа – так что и преследователи, и преследуемые шли на равных.

Вроде как и опасности абордажа нет, и уйти вполне вероятно... Если бы не всплески снарядов, белые фонтаны, чередой проходившие вдоль низкого борта.

– Надо бы возразить... – Яков закатил глаза под обрез каски, указывая на ствол 75-мм орудия над головой.

Передёрнув плечами, Новик пересел на откидное сиденье артиллериста-наводчика, задумчиво промышал что-то вроде: «Ну-с, что тут у нас?» Как-то ему уже доводилось управляться с немецкой «Flak-30», так что с этим полуавтоматом...

Первый же выстрел, на мгновение вскипятив бугор волны, заставил шарахнуться ближайший «Зибель» в сторону. Второй смёл с квадратных поплавков катамарана неуклюжие фигурки добровольного и не очень десанта – кто под рукой был. Паром будто на стену налетел, захлебнулись бензиновые моторы. Но и по траковым сцепкам танковой платформы заискрились 20-мм снаряды. Посыпалось лобовое стекло автомобиля, отлетела с покатога зада запаска и, покосившись, «Хорьх» присел на спущенную шину.

Яков неодобрительно присвистнул. Лицо Новика застыло с мрачной гримасой фаталиста. Понятно было: ещё немного – присоединится к 20-мм зенитным автоматам 88-мм зенитка «сторожевика», обгонявшего волчьей стаей «Зибелей». И в десяти миллиметрах брони, прикрывавшей разведчиков, засветятся такие дыры, что только собой латать.

Такая вот, получалась никудышная арифметика.

– Дотянем?... – вроде как сам себя спросил Яков, наблюдая, как капитан Новик накручивает рукоятку горизонтальной наводки, пытаясь догнать жерлом пушечки бронированный катер.

– Едва ли, – с присущей ему бесцеремонной честностью проворчал Александр.

И будто в подтверждение его слов раздался скрежещущий вой. Войткевич вскинул голову, оторвавшись от широкой амбразуры рубки. В низких и чёрных, подсвеченных прожекторами тучах будто пронеслась стая механических птиц, шелестя стальными крыльями; и запоздало, пока что предупредительно, ухнула вдогон беглецам батарея с мыса Павловского. Далеко впереди, с явным и нарочитым перелётом, взметнулся, забелел пенной стеной заградительный залп. Предательский залп трофейных советских «Б-13».

– В гости зовут! – первым догадался старший лейтенант, первым же и оценивший столь значительный перелёт. – Я думаю вряд ли, чтоб на супчик с фрикадельками.

– Посмотри, должны быть спасательные жилеты! – тут же отреагировал Новик, перекивая шум волн и грохот пушки.

Жилеты, точнее сказать, рифлённые поплавками куртки с таким же – будто старинное жабо – отложным воротником, нашлись в деревянном ящике, служившем ЗИПом и заодно сиденьем для офицеров десанта.

– Прямо учебная мишень-поплавок, – неодобрительно покосился на белые жилеты Новик, достреливая последнюю обойму полуавтоматической пушки.

– А ты плавай и всё отрицай: мол, я не я, а так – наклеп тут кто-то, – посоветовал Яков Осипович, затягивая на груди кожаные ремешки. – Вот, мол, и плаваю, согласно афоризму.

Привыкший к тому, что у лейтенанта Войткевича, как говорится: «Ни слова в простоте», Новик только поморщился, как старорежимный профессор словесности от матросской матерщины.

– Ну и долго ты будешь тут «Варяг» из себя изображать? – поторопил его Яков.

– Давай сюда, «Кореец», – Александр потянулся с сиденья наводчика за спасательным жилетом. – Водичка, поди, прохладная...

Вода была ледяная, так что, казалось, дух вышибло, когда украдкой от автомобильных фар быстроходных паромов бойцы разведотряда скользнули через низкий борт баржи в чёрную бездну...

Брошенная на произвол бури плавучая танковая платформа увлекла за собой целую кавалькаду «Зибелей», плюющихся огнем зенитных автоматов, но уже скоро стала сбиваться с курса. Без рулевого быстроходный паром, как обычный плашкоут, поддался натиску волн, гряда за грядой рвущихся узкой горловиной пролива в сторону Азовского моря. Туда же, швыряя с гребня в подножие волны и обратно, понесло и разведчиков. Если бы не намотали на руки линь, они бы уже давно потеряли друг друга из виду.

Линь был найден Войткевичем в том же инструментальном ящике. Они взялись за него так, чтобы в случае, если немцы заметят-таки одного, другой, бросив конец, имел шанс спастись. Если бы не линь! А так, капитан Новик, переждав прошедший в опасной близости «Зибель», умудрился ещё приободрить товарища, перекрикивая гул и пенный шелест шторма:

– Ничего, в Мариуполе наши! – как будто и впрямь надеялся вплавь преодолеть стылое Азовское море.

– Чтoб только кипятoк у них был... – не oсoбo нуждался в oбoдpeнияx лeйтeнант.

И у берега...

До Тузлы, откуда, откликнувшись на переполох немецкой стороны, тут же заговорила наша артиллерия, было рукой подать, всего каких-то три километра. Но шторм, шедший со стороны Чёрного моря, в мелководном проливе приобретал натиск горной речной теснины. Их пронесло мимо косы – и здорово повезло бы, если б завихрением потока прибило хоть к какому-нибудь берегу древнего «Бычьего брода»⁸.

Хорошо бы, конечно, к занятой нашими войсками косе Чушке. Но это уж совсем маловероятно.

Прямо напротив крепости, по течению и по ходу шторма, был «заводской» берег бухты. Их неумолимо несло к нему, в керченскую бухту, где чуть ли не каждый десяток метров побережья был уставлен батареями морского артиллерийского дивизиона и 27-го зенитного полка люфтваффе, то есть, если не 88-мм пушками, то 37-мм «Flakami» и 20-мм автоматами «Oerlikon».

Поэтому, когда – едва в сознании – они оказались на берегу и при этом незамедлительно не прозвучало над головами: «Хальт!», – Яков, звучно стуча зубами, заметил:

– Нет, ну вы посмотрите... Повезло. Как утопленникам, так даже очень.

⁸ Боспор Киммерийский – античное название Керченского пролива.

Перегон у станции Владиславовка. «Pasaremos! No pasaran!»⁹

Хачариди и Боске

Стрекот мотодрезины быстро увязал в утреннем тумане, что слоями полз над рыже-вато-зелёными солончаками низины.

– Смотри-ка ты, – хмыкнул Серёга, глянув на часы. – Наверняка немцы. Педантичность, как на вокзале.

Специального назначения эшелон шёл из Севастополя и должен был прибыть во Владиславовку ровно в 7.15, а оттуда, после перераспределения по нарядам, разойтись малыми составами по аэродромам сухопутного базирования на Керченском полуострове, и морского – непосредственно возле Керчи и Феодосии. Ждали их там «Юнкерсы», «Хейнкели» и «Дорнье», а также гидропланы-разведчики «Blohm und Voss» и «Arado Ar 95». Без разведки никак, уж больно велика цена вопроса – выяснить время и направления высадки русского десанта. Не говоря уже о том, что бомбардировщикам и торпедоносцам работы предстояло немало.

Именно для этого из Румынии в Севастополь прибывали тысячи тонн особого авиационного бензина типа «Avgas 115/145»¹⁰ характерного пурпурного цвета.

Вот эта его особенность – жирные пурпурные пятна, неслучайно оказавшиеся на пальцах одного из военнопленных, бывшего аэродромного технаря, работавшего на разгрузке румынского морского транспорта ещё в Севастополе, – и выделила эшелон с нейтральным обозначением «LT-300» в первоочередную мишень.

Тем более первоочередную, что крупная мишень в считанные часы могла превратиться в несколько мишеней мелких. Расползутся цистерны по колеям узла, а затем перекачают бензин в автоцистерны.

...Двое солдат в непривычно куцых шинелях и барашковых кепи, с «Маузерами» между колен с относительным комфортом расположились на лавке позади дребезжащего «Даймлера». Обходчик, пожилой дядька из числа гражданских, с отсутствующим видом сидел на подножке дрезины. Унтер, старший патруля, стоя за рычагом управления, то и дело прикладывал к глазам бинокль с важным видом Наполеона, озирающего окрестности Ватерлоо (хотя император-то пользовался подзорной трубой, до изобретения бинокля оставалось сорок лет). Но в окулярах были видны одни лишь глинисто-мшистые солончаки, и то лишь те, что выходили из переднего слоя тумана; последующие же слои, всё более и более золотистые к горизонту, были пока непроницаемы.

– Хальт! – вдруг вскрикнул унтер.

– Что там? – вскинулся один из патрульных, ответив по-румынски на немецкое «Стоять!», ставшее уже больше уставной командой, чем окриком.

– О! Миху, это нечто! – с азартом охотника отозвался унтер.

Нечто обернулось на шум и посмотрело на дрезину глазами дьявола – чёрными ромбами зрачков в оранжевой роговице.

– Коза! – увидел теперь белого дьявола и Миху.

⁹ Мы пройдем! А они навряд ли... (иск. исп.).

¹⁰ Тип «Avgas 115/145» был разработан специально для мощных поршневых авиационных двигателей и применялся вплоть до 1955 года. Очень дорогостоящий, он имел исключительно высокие октановые характеристики, а посему предназначался для особо важных миссий.

Румыны оживились: в последнее время довольствие союзников здорово отдавало залежалым душком: «На тебе, боже...» – а тут...

Унтер потянул рычаг тормоза. Искры брызнули из-за реборд железнодорожной пары. Обсуждая на бегу рецептуру соуса, румыны, скрежеща щебнем высокой насыпи, бросились к козе, пока та ещё не сообразила, что там лопочут насчёт жаркого. У дрезины остались только флегматичный обходчик с обвислыми седыми усами и последний из солдат, соскочивший с лавки и егозивший на шпалах перед дрезиной, как футбольный болельщик позади ворот:

– За рога её, Юлиу! За ро...

Кровь струёю брызнула на закопчённый щебень. Последний совет патрульного захлебнулся горловым бульканьем.

Чуть слышно мурлыча под нос нечто вроде «Ах, Одесса...», Арсений Малахов вытер широкое лезвие немецкого штыка о полу шинели убитого, а тот всё ещё подрагивал разбросанными каблуками сапог.

Любителям жаркого повезло больше. По крайней мере, пока солнце, поднявшись над горизонтом, не разогнало утренний туман из самой потаённой глуши осоки, окружавшей солончак. В ней румыны, в одних только кальсонах и привязанные спинами друг к другу, встретили самое скверное утро в своей жизни. А вот здешние яростные комары со времени отступления 51-й армии не встречали утро лучше. И сытнее...

Эшелон «ЛТ-300» появился ровно в 7 часов, как раз минут за пятнадцать тихого ходу до Владиславовки. Русский обходчик ковырялся в медных кишках мотора дрезины и не вызвал подозрения ни у ефрейтора охраны, ни у машиниста маневренного «С-2» – тот даже приподнял козырёк замасленной кепки, узнав обходчика из Владиславовки. Сопровождающий груз флигер-инженер¹¹ с одной птичкой в жёлтой петлице только глянул мельком в окно и, увидев знакомые кургузые шинели, снова, поправив монокль, погрузился в чтение накладных.

По пологой дуге поворота состав, большей частью состоящий из платформ с цистернами, заходил на Владиславовку. Вот уже поднялось жёлто-чёрное полосатое плечо семафора с зелёным сигналом: «Öffentlich!». Вознеслась над белыми волнами тумана, словно маяк над морской дымкой, башня водокачки...

Часовой на платформе с цистерной не сразу отреагировал, когда чей-то простуженный голос из-за спины спросил его доброжелательно:

– Du willst dem Spiritus, Genosse?¹²

Впрочем, менее секунды понадобилось ему, чтобы согласно закивать головой так, что каска съехала на нос:

– Ja, Ja! Sehr gut!

На акцент, смазанный хрипотцой, он не обратил внимания. Руки в вязаных перчатках уже тянулись к плоской фляге в брезентовом чехле.

Но, так и не дотянувшись до неё, часовой вдруг почувствовал необыкновенную лёгкость в членах и головокружение, словно уже глотнул порцию спирта и не заметил, как закончилась под ногами платформа. А Сергей Хачариди за его спиной, мелькнувшей под насыпь, опустил короткий приклад «ZB».

Абордаж с дрезины на состав остался никем пока не замеченным.

¹¹ Fliegeringenieur – лейтенантское звание офицера технической службы.

¹² Хочешь шнапсу, товарищ? (нем.)

Керчь. Мыс «Змеиный». Заводская пристань

Войткевич и Новик

Серая полоска уже просветлела между почернелым штормовым морем и свинцовым небом, тучи в котором казались тоже штормовыми волнами, разве что менее подвижными и несущимися навстречу грядам морских волн.

Яков приподнял голову, по-собачьи потряс ею; осмотрелся, вжимаясь в сырой песок...

Узкий маленький песчаный пляж окантовывал красноватые обрывы и был пуст, если не считать нахохлившихся бакланов, сбитых ветром на землю. Даже их мелкие следки сразу за красными лапками тотчас слизывали обширные языки прибоя в окантовке грязной пены. Если отвлечься от рёва ветра, грохота и шипения волн, бумажного шороха камышовой чащи, заломленной ветром, – на берегу царила тишина.

Старший лейтенант осторожно приподнялся на локтях, стёр мокрым рукавом налипшие на небритую щеку песчинки – и только тогда обнаружил на локте витки тонкого канатика. Петляя по песку и временами зарываясь в него, линь уводил в сумрак камышовых зарослей.

Но прежде чем Яков потянул его, канатик сам встрепенулся и натянулся, указывая путь, как пресловутая нить Ариадны.

– Тпру! – шикнул в сторону камышей Яков, вставая на четвереньки.

– Что ты там разлёгся, как в Ялте, пижон! – встретил его капитан Новик, когда старлей нырнул в просеку заломленных бурых зарослей.

Тогда Войткевич, стягивая через голову шерстяную нательную сорочку немецкого покроя, простучал зубами едва внятно:

– Ни хрена себе Ялта. Повезло, как утопленникам...

Положение их действительно нельзя было назвать завидным. Да, не утонули, но, очевидно, из принципа: «Кому быть повешенным, тот не утонет».

Именно так резюмировал Новик свои наблюдения в щель камышового частокола.

С одной стороны, с неизменным упорством разбивая серые ополчения волн, упирался далеко в море заводской мол, сложенный из железобетонных блоков древнеегипетской величины. Возле него, кивая обрубленным носом и чуть выказывая над высоким молом покатуую бронированную рубку и борта, пятнистые, как чёрно-серая шкура скумбрии, раскачивался на волнах...

– Старый знакомец, – кивнул на «шнелльбот» Войткевич.

– Первая флотилия Бирнбахера, – шурясь, присмотрелся Саша Новик к трафарету «S-40» возле бакового клюза. – Похоже, наших тут ждут...

Старые знакомые

Несмотря на довольно легкомысленную классификацию – торпедный катер, – «шнелльбот» представлял собою внушительную боевую единицу, с которой советские «морские охотники» и сторожевики реально тягаться не могли ни в скорости, ни тем более в вооружении. А эсминцы ЧФ... От большинства эсминцев «шнелльботам» не представляло особого труда оторваться, – с их-то скоростью до 40 узлов по спокойной воде! Кроме русского глиссера-торпедоносца «Г5», никто догнать «шнелльбот» не мог. Мало кто бы взялся на свой страх и риск досаждать немецким катерам-переросткам «шнелльботам», с которыми офицерам II разведотряда штаба КЧФ Войткевичу и Новику уже приходилось сталкиваться, и не далее как этим летом¹³.

«Адмираль Шварц Меер» старался не рисковать штурмовыми катерами – единственными относительно крупнотоннажными судами «Kriegsmarine» в Чёрном море (Турция блюла-таки нейтралитет, нехотя или нет, но закрыв Босфор для немецкого флота). Так что сто с гаком тонн водоизмещения, торпедные аппараты, упрятанные под фальшбак, баковое 30-мм орудие, два пулемёта и сдвоенный 20-мм зенитный автомат, – всё это добро, столь уместное для истребления советского малого, или «тюлькиного флота»¹⁴, приходилось держать подальше от Керченского пролива, в Двужкорной бухте неподалеку от Феодосии. Хотя именно здесь, в Керченском проливе, плавсредства КЧФ особенно угрожали покою «немецких» берегов. Убрать бы «шнелльботы» на базу «Иван-баба», – не потому даже, что кругом мелководья и россыпи мин, как своих, так и советских, но ещё и потому, что с потерей Кубанского плацдарма все входы и выходы в керченскую бухту простреливались русской артиллерией, причём отнюдь даже не самой дальнобойной. В хорошую погоду, – так чуть ли не прямой наводкой полковых 75-миллиметровок. И всё же «Адмираль Шварц Мееру» приходилось рисковать...

Чайки, подхваченные порывом ветра, взмывали над бетонными ямами засолочных ванн рыболовецкой артели и снова камнем падали вниз, всё ещё надеясь найти засохший рыбий остов на буром от тузлука дне.

То ли дело было, когда в городе только построили огромный по тем временам новейший консервный завод и народ на разделку рыбы вербовали по всему Союзу! То-то было раздолье пернатым, – так обожрёшься, что и не взлетишь...

Цеха артели, больше похожие на заурядные бараки, соседствовали с руинами причальных сооружений. Чуть поодаль мола, в серой круговерти мечущихся волн и на полпути к фарватеру, торчала из воды корма баржи, выбитой штормами на мелководье. От других кораблей, которых немало потопили тут «Юнкерсы» и «Хейнкели» во время попеременных эвакуаций и десантов советских войск, на поверхности остались только могильные кресты мачт, да клёпаная труба допотопного речного парохода – все средства тогда были хороши. Корабли же полностью погрузились в специально углублённый подход к заводскому причалу, к которому могли швартоваться даже суда океанской осадки. Тогда как кругом заводского фарватера было такое мелководье, что волны по нему катились серые от ила, а разрозненные, оглаженные прибоем скалы казались камнями, только что обнажёнными отливом.

С другой стороны, на скалистом мысу, в «античных» руинах беседки отчётливо просматривалась артиллерийская площадка зенитной батареи – пара «Эрликонов» на морских турелях, вмонтированных в бетон. Рыжеватая по-осеннему, маскировочная сеть трепетала над входом в блиндаж.

¹³ См. «Торпеда для фюрера». М.: Изд-во «Вече».

¹⁴ Общепринятое название малых рыболовецких судов, приспособленных под военные нужды.

Хроники осинового гнезда

С сентября 1943 года командиром флотилии «Шнелльботов» стал корветтен-капитан Герман Бюхтинг, ранее командовавший «S-27», потопленным в Керченском проливе, а затем «S-51». В этом катере семь пробоин от 20-мм снарядов зенитки, временно захваченной диверсантами, заделали и мелкие повреждения отремонтировали на базе Иван-Баба.

Прежний командир, Георг Кристиансен, отделался лёгкой контузией при гибели «Кёльна», весьма умело организовал восстановление базы после налёта русской авиации; за боевые успехи получил «дубовые листья» к Рыцарскому кресту и отбыл на штабную работу.

– Вот сука... – отвернувшись, проворчал Яков.

От батареи, по крутому обрывистому берегу, словно нарочно, чтобы не дать разведчикам опомниться, уже двигались чёрные в серых клочьях тумана фигурки – патруль береговой охраны. Или, того хуже, полевой жандармерии.

Одна из фигурок то и дело взмахивала рукой.

– Ну, прямо парк культуры и отдыха, – ткнув большим пальцем через плечо, пояснил Яков на вопросительный взгляд Новика. – Палку бросает, собаковод хренов. Дружку лагерному. Или подружке. Суке...

И впрямь, от тёмной фигурки в мешковатой штормовке то и дело катил то в одну, то в другую сторону лохматый и суетливый коричневатый комок.

– Значит, будем сохнуть по дороге, – резюмировал Александр, стягивая унтерский мундир с закруглёнными погонами, развешенный на камыше. – И, скорее всего, что на бегу.

– Ага... – буркнул Войткевич, выкручивая мокрый узел сорочки. – И тренер по бегу будет у нас о четырёх ногах, – он брезгливо скривился, встряхивая влажную сорочку. – Прямо, страшный сон футболиста.

– Может, и пересидим, – не слишком уверенно предположил капитан, глянув на приближающийся по кромке обрыва патруль. – Вниз, на пляж, они вроде как не собираются. А ветер – поверху. Глядишь, и не учует псина?

– Нас, может, и нет, – задумчиво и почему-то с секундной задержкой произнёс в ответ Яков, просунув стриженую голову в прорезь шерстяной сорочки и застряв в ней с горловиной на шее. – А вот её...

Порыв ветра в очередной раз разворотил жухлую стену камыша. И в образовавшемся проломе...

Капитан обернулся туда, куда недовольным и напряжённым взглядом уставился старший лейтенант.

– Этого ещё не хватало!

По узкой полосе песка и размытой глины, отрешённо и неспешно, будто в плену тихой и грустной заботы, или высматривая что-то под ногами, брела одинокая фигурка в деревенской кацавейке и старушечьем буром платке с концами, заведёнными в подмышки, видимо, завязанными в узел на спине. Женщина, девушка, а может, и вытянувшаяся не по годам девочка-подросток? Рассмотреть лицо её в глубине платка, натянутого чуть ли не до носу, было невозможно, а русые локоны, выдернутые из-под платка ветром, в блеске утреннего солнца вполне могли быть даже космами седины.

Разведчики переглянулись.

– Это что за метаморфоза? – недовольно буркнул Войткевич, наконец дотянув до пояса шерстяную сырую сорочку.

– Главное, откуда? – исподлобья следя за тонкой фигуркой, задумчиво произнёс капитан Новик. – Не должно бы тут...

Из послевоенных архивов

Ни содействия, как, впрочем, и противодействия местного населения разведчики не ожидали. По свидетельствам редких беглецов с «той стороны», с октября месяца немцы, и без того расточительные в отношении «трудовых ресурсов», провели тотальную эвакуацию жителей из прифронтовой зоны, которой, по сути, стал весь без исключений Керченский полуостров.

Впрочем, эвакуация – термин статистический, для сухой, лишённой всяких эмоций, отчётности. На практике были повальные облавы и вывоз трудоспособного населения в Германию, и, конечно, расстрелы. По любому подозрению и безо всякого. За «излишки» продовольствия, за вражескую пропаганду, скрученную в козьей ножке, за связь с партизанами, отчётливо отдающую сыростью подземелий и заметной копотью на лице. Было даже, что в саду имени Сакко и Ванцетти почти всё лето провисело тело мальчика лет девяти, который был повешен за то, что сорвал с дерева абрикос.

Город как будто вымер. И даже «не как будто...»

А ведь ещё недавно в «Зимнем театре» ставила спектакли местная труппа, в «Летнем» крутили трофейную «Серенаду солнечной долины». Выходил «Вестник Керчи», были открыты двери церковей и археологического музея. Даже 1 Мая был объявлен оккупантами днём всенародного праздника, и отдел пропаганды при городской управе организовывал лекции для населения, убеждая, что Германия – Es ist самая культурная и цивилизованная в мире страна. Казалось, что трагическая участь, уже постигшая к тому времени 7000 евреев и прочий «неблагонадежный элемент» (совработники, заложники, военнопленные), минует «незапятнанных». Их не расстреляют в Багеровском рву, или на рудниках завода, или в Аджимушкайском карьере...

Накануне же неизбежной схватки, когда только четыре километра пролива разделяли эвакуированную с Тамани 17-ю армию Вермахта и войска Северо-Кавказского фронта, достаточно было просто оказаться на улицах города, чтобы тут же попасть на допрос в полевой комендатуре «Feldkommandantur 676 Kertsch»¹⁵, в силу привычки называемой населением «гестапо». Или по меньшей мере в местной «Ortskommandantur»¹⁶, которых в городе было три. По одной на район.

А уж невинная прогулка в районе дислоцирования береговой охраны означала незамедлительный расстрел. Но лишь в том «счастливом» случае, если невинность заблудшего не вызовет у патруля сомнений. Тогда счастливчик отделается просто пулей.

При освобождении Керчи в апреле 44-го из почти ста тысяч довоенного населения встречать освободителей вышло чуть более трёх сотен человек. Больше некому было...

¹⁵ Полевая комендатура Керчи, находилась в здании бывшего СИЗО.

¹⁶ Местная комендатура района «Колонка».

No pasaran! No volarän¹⁷ тоже

Хачариди и Боске

– Сколько у нас времени? – спросил Мигель на ухо партизанского минёра Алексея Сивенкова, заменившего погибшего Антонио Арбелоа, штатного сапёра «испанской» диверсионной группы.

Группы, от которой осталось только двое.

– И много и мало, – рассудительно ответил Сивенков, возясь со связкой толковых шашек под округлым боком цистерны, охваченной массивными цепями со скобами кронштейнов на концах.

– Это как?..

– А так, товарищ лейтенант, – Алексей остругал перочинным ножом картон с торца одной из шашек и продолжил, перекрикивая грохот колес и стук рельсов: – Был бы у меня часовой механизм, сейчас бы выставил минут пять – семь, сколько там осталось до станции, и всё, можно прыгивать!..

– Это мы уже обсуждали, – поморщился Боске, сдвинув немецкую каску на затылок. – А так?

– А так нам придется держаться до самых последних секунд, – ответил вместо минёра Сергей, выглядывая в конец поезда из-за дубовых брусьев, подпиравших цистерну. – Сколько будет гореть метр-полтора бикфордова шнура, секунд десять? – уточнил он у Сивенкова.

– На таком ветру, может, и быстрее сгорит, – пожал тот плечами.

– Значит, так, – решительно поднялся на ноги Мигель и переправил «Шмайссер» из-за спины под руку. – Благодарю всех за помощь. Помощь была неоценима. Но это наше задание, нашей диверсионной группы, поэтому прошу всех остальных товарищей покинуть состав. И вот что ещё... – Лейтенант смущенно кашлянул и, тронув Хачариди за рукав шинели, добавил, склонившись к нему каской к каске: – Заберите с собой Родриго, пожалуйста.

Как у «везунка» Хачариди – неизменный адъютант Володька, у молодого лейтенанта имелся свой не то помощник, не то подопечный Родриго Виеске. Хотя, на взгляд Сергея, лейтенант и сам нуждался в присмотре, поскольку разницы в возрасте у рыцаря испанской революции со своим Санчо Панса практически не было.

Хачариди понимающе кивнул, но ответил неожиданно:

– Ребята заберут вашего парня. Я остаюсь с вами.

– В этом нет необходимости, – замотал головой Мигель.

– Теперь есть.

Не добавив ни слова, Сергей приткнул сложенные сошки «ZB» к дубовой опоре и, будто не целясь, дал короткую очередь в конец состава. Сухой треск словно бы тут же и снесло встречным ветром, – но его наверняка донесло до ушей транспортного караула на задней платформе.

– Что вы, чёрт возьми, делаете! – зашипел было лейтенант Боске, но тут же увидел, как всего за три цистерны до них кувыркнулась за леера ограждения серая фигурка, вспорхнув полами шинели, словно подстреленная ворона.

¹⁷ Они не пройдут! Не пролетят тоже. (иск. Исп.).

– Я останусь один! – закричал Боске, припав на одно колено. – Удержаться несколько секунд на цистерне несложно, гранат они не применят, побоятся. Я не дам им потушить шнур, пока...

– Пока живы будете, – оборвал его «Везунок». – А если вас не прикрыть, то продлится это недолго. Малахов! – кликнул он матроса, который даже теперь не нашёл в себе достаточно силы воли, чтобы запахнуть шинель, спрятав тельняшку, дырявую, как легендарное полковое знамя.

– Я остаюсь! – зло бросил Арсений через плечо, даже не услышав ещё новой команды.

– Остаёшься, – согласно кивнул Серёга Хачариди. – Остаёшься за старшего группы! Группа немедленно покидает состав! Головой отвечаешь, чтобы все живые и здоровые добрались до своих, ясно? Особенно за Родриго!

– Ясно, – нехотя протянул Малахов. – Но...

Не дожидаясь его возражений, Сергей Хачариди забросил пулемёт за спину и по стальным скобам на замасленном боку цистерны проворно исчез из поля зрения Малахова, поднявшись наверх.

Матрос исподлобья взглянул на оставшегося Мигеля Боске – в конце концов командовал операцией именно он.

– Подтверждаю, – положил лейтенант руку на плечо Арсения. – И это... Нас не ждите. Будем живы, сами доберёмся.

Керчь. Мыс «Змеиный». Район заводской пристани

Войткевич и Новик

Видимо, и у этого патруля береговой охраны не возникло сомнений, что Die Frau, оказавшаяся на диком пляже между причалом и зенитной батареей Люфтваффе, не является ни партизанкой-разведчицей, ни тем более русской парашютисткой. Так что судьба её решилась просто и даже как-то весело. А то такая смертельная скука – ни свет ни заря таскаться в промозглом тумане по берегу, продуваемому всеми ветрами.

Гортанные окрики приобрели охотничью весёлость загонщиков. Вязкость тумана прорезали два выстрела из «Маузера». Но, видимо, белые клочья, закутившиеся в зарослях камыша с первыми золотистыми просветами солнца, мешали толком прицелиться. Того и гляди, канет в ржавых дебрях юркая фигурка, – ищи потом, хоть выпаливай те камыши, как в прошлый раз, бензином.

«И вообще не слишком это интересно – стрелять, как в ярмарочном тире», – решил, видимо, старший патруля, детина с фельдфебельской звёздочкой на погоне.

Он добился внимания своего сослуживца – приземистой, с чёрными подпалинами, овчарки, истошно лаявшей с обрыва вниз, – и отстегнул карабин поводка.

– Zu nehmen!

...Комья мокрого песка летели из-под задников стоптанных калош; бурые концы распустившегося платка развевались за локтями, как грязные крылья безвозвратно павшего ангела. Теперь уже чересчур одомашненного и приземлённого, от небесного происхождения которого остались разве только слипшиеся перья когда-то белых локонов, бьющихся на спине и плечах. Девушка – теперь так можно было определить это несуразное существо – сломя голову бежала от бесшумной смерти. Бежала с бездонно расширенными глазами неуместной и нездешней синевы. Слишком ясной и светлой для свинцовой серости утра, в которое только умирать хорошо – уж так мало хорошего оно обещает. Бежала с перекошенным ртом и сердцем, которое приходилось держать прижатыми к груди кулачками, чтобы не вылетело хрипящим горлом...

Смерть стелилась за нею след в след, молча, не издавая ни звука, кроме равномерного хрипа разинутой пасти и ударов мягких лап по песку, со зловещей сосредоточенностью палача. Ничто, казалось, не могло отвлечь её от намеченной цели – тонкой шеи с серебристыми завитками пуха, видной в золотистом вихре волос и бахроме бурого старушечьего платка.

Но вдруг кто-то вырвал у девушки сердце, – так показалось ей в то мгновение, когда чья-то властная рука рывком оторвала от груди её кулачки, сжимавшие борта кацавейки, отороченной козьим мехом. И, прежде чем девушка сделала жадный вдох, бросила её в глубь камышовых зарослей.

Зарывшись в жёсткие, как наждачная бумага, листья, она только и успела, что закрыть локтями лицо. Поэтому и не видела, как овчарка на мгновение замешкалась, закрученная силой инерции, но тут же опомнилась и метнулась следом за жертвой, в чашу ржавого сухостоя.

А Войткевич только мельком глянул на шерстяной платок, оставшийся в его руке, когда, волчком выпутавшись из его концов, девушка рухнула за спиной лейтенанта в заросли. Глянул и, перехватив бурый комок в левую руку, чуть пригнувшись, на полусогнутых, как заправский боксер, встал перед просекой, оставленной беглянкой в камышах.

Чёрный перелив лоснящейся шерсти уже мелькал в прорехах рыжего плетня. Как только из камышей вырвалась оскаленная пасть, Яков взмахнул платком, отбрасывая его вверх и в сторону. Овчарка с точностью самонаводящейся торпеды метнулась туда же, взмыв в длинном прыжке...

И оставляя позади себя кровавые брызги на пергаментных листьях. Раздался звук треснувшей парусины.

Заскулил пес, только когда упал на подкошенные лапы, недоуменно оглядываясь на парующие внутренности, провисшие между задних лап.

Мельком оглянувшись на девушку, забившуюся в глубь камышового грота, с поджатыми ногами и закрытой локтями головой, Яков набросил изрядно траченный молью платок на вспоротое брюхо пса и коротко прекратил его незаслуженные муки ударом штыка под переднюю лапу.

– Та я понимаю, работа такая, – глухо пробормотал он при этом и, встав с колена, обернулся к капитану Новичу. – Что там?

Тот уже осторожно выбирался из камыша навстречу недовольным и встревоженным окрикам немца: «Totengräber! Teufels der Hund!»¹⁸

– Спрашивает: «Собачку не видали?» – буркнул капитан.

– Was?!.. – начал было взводный охранного батальона, вломившись на вытопанную полянку в сухостое.

В самом деле, что здесь делал гефрайтер в расхристанном и почему-то мокром мундире и другой вояка из батальона тыла – в одной сорочке и штанах, тоже сморщенных, как будто их только выкрутили? А вот, кстати, и фройляйн, проникшая в запретную зону, валяется комком неухоженного тряпья, поджав перепачканные глиной коленки...

Щуцман в мокром белье, демонстративно затягивая поясной ремешок, шагнул навстречу взводному; и подмигнул, – дескать, «война войной...»

«Когда только успели?!»

– Что здесь?.. – неуверенно начал фельдфебель и вдруг увидел брызги крови, ведущие к платку, из-под которого...

– Шо, шо, – радушно улыбнулся Войткевич, приобняв одной рукой фельдфебеля на правах равного по званию. – Да вот так как-то...

Не успев даже перехватить «Шмайссер», брошенный впопыхах за спину, взводный подломился в коленях и дернулся, когда Яков протолкнул лезвие тесака ещё глубже под нагрудный прорезной карман штормовки.

– Guten Morgen! – поприветствовал, в свою очередь, капитан Нович подоспевших подчиненных фельдфебеля.

Те хоть и схватились за винтовки, не вдаваясь в уточнения, кто здесь и откуда, и один даже успел толкнуть вперёд гнутую рукоятку затвора, но автомат из-под локтя их командира ожил мгновением раньше.

Не срывая ремня с фельдфебельского погона, Яков развернул «МР-40» дулом в обратную сторону, передёрнул затвор под локтем фельдфебеля и ухватил скошенную рукоятку. С характерным сорочьим треском автомат сыпанул гильзами. Троица патрульных повалилась на песок почти одновременно.

– Так зато вы бегаєте, Саша, куда мне, – пожал плечами Войткевич в ответ на укоризненный взгляд Александра, так и оставшегося стоять с «Вальтером», спрятанным за спиной.

– А придётся, – проворчал капитан Нович, косясь на батарею, находившуюся не так уж и далеко, чтоб не услышать автоматной очереди. – Придётся побегать.

И спрятал пистолет в глубокий карман.

¹⁸ Могильщик, чертова псина! (нем.)

– Не надо...

На тихий голос девушки они даже не сразу отреагировали – как-то не до неё было.

– Чего не надо? – замер капитан, уже наклонившийся, чтобы взяться за голенища ближайшего трупа.

Может, в этом и не было особого смысла, но оттащить патрульных в камыши стоило, – так, чтобы выиграть минуту-две, пока на батарее сообразят, где именно на побережье стреляли.

– Бежать никуда не надо, – повторила девушка неожиданно твёрдо, без всякой дрожи в голосе и положенных случаю и полу всхлипов. Как будто ничего и не случилось.

Она стянула с головы ситцевую косынку, поддетую под шерстяной платок вполне в деревенском, старушечьем духе.

– Ну, не знаю, если только отмыть? – хмыкнул Яков, заинтригованно глядя на открывшееся зрелище.

Железнодорожный узел Владиславовка

В страдательном залоге

– Что там у вас происходит, обергефрайтер?! – военный инженер в оливково-зелёном армейском мундире, сопровождающий груз «LT-300», кричал в текстолитовый коробок внутренней связи.

– Партизаны, герр флигер-инженер! – отозвался сквозь хрип и шелест помех командир взвода охраны. – А, скорее всего, даже русские диверсанты. Они все в форме румынских пехотинцев.

– Сколько их там?!

Гефрайтер снова перегнулся за кладку мешков, набитых песком, растянув витой шнур переговорного устройства.

– Непонятно, но у них пулемёт и это серьёзные «товарищи», мы уже потеряли четырёх своих...

– Шайсе! – выругался флигер-инженер и, рванув вниз раму, высунулся в окно штабного вагона чуть ли не по пояс. Струя ледяного воздуха растрепала его русые волосы.

Что там творилось, в центре состава, было не совсем понятно. Ветер относил далеко назад треск автоматных очередей, звучавших то поочередно, то шквалом, и лаконичные реплики партизанского пулемёта в ответ. И, похоже, что краткость была сестрой его военного таланта – ещё одна серая фигурка, путаясь в полах длинной шинели, закувыркалась по насыпи.

Изредка, когда была возможность, состав слегка выгибался на плавном повороте, – в дело подключался крупнокалиберный «шпандау» с замыкающей платформы. Его глухой лай слышен был даже здесь, в голове поезда.

– Господи, что делают эти идиоты?! – простонал инженер, ударив кулаком по дубовой раме. – Они думают, что мы везём простой бензин?! Они не представляют себе, какое у «Avgas» октановое число... Гефрайтер! – бросился он назад, к переговорному устройству на стене вагона, оббитой коричневым дерматином. – Немедленно прекратите огонь! Топливо в цистернах детонирует лучше всякого пероксилина!

– Что им будет, стальным цистернам, от 7.69?... – насмешливо возразил командир роты охраны лейтенант Коберс, меняя фуражку на каску, не столько из боязни получить пулю в лоб (один чёрт, в ближнем бою не поможет), сколько боясь потерять фуражку на ветру.

– Если вклеить из «MG» в упор, господин лейтенант, – с привычным раздражением проворчал инженер («привычным», поскольку довольно редко выпускнику «Berliner Polytechnischen» доводилось встречаться в среде фронтового Вермахта с технически компетентными офицерами), – то и этого может оказаться достаточно, чтобы архангелам незачем стало спускаться по наши души. Они просто испарятся!

«Зануда...» – подумал лейтенант, но вслух поинтересовался скорее для проформы:

– А если без поэзии, герр инженер. Что вы предлагаете?

Хотя, что делать, он и так представлял довольно ясно. Надо гнать солдат в рукопашную и сбросить партизан под откос раньше, чем они это проделают с составом.

– Я предлагаю немедленно отцепить захваченную часть состава!

Ответ инженера, пропущенный было мимо ушей, неожиданно поразил лейтенанта. Он замер, уже взявшись за скобу дверной ручки, чтобы выйти в тамбур.

– Это плохая шутка, – наконец нашёл он слова. – Это половина эшелона, герр инженер, это в конце концов трибунал...

– А почему, по-вашему, русские до сих пор не подорвали состав, герр лейтенант? – со злым раздражением, но негромко, будто интересуясь между делом, спросил инженер. – Почему они до сих пор не заложили мину и не спрыгнули?

– Они боятся, что охрана первой доберётся до мины и избавится от неё, – ответил лейтенант Коберс, будто бы на собственные раздумья, но вдруг замер. – Господи...

– Вот именно, – повернулся к нему флигер-инженер с нервической кривой ухмылкой. – Десять сантиметров бикфордова шнура им бы вполне хватило, чтобы выполнить задание и благополучно убратъся с поезда.

– Но, господи... – Лейтенант, отпустив ручку двери, подскочил к окну и отдёрнул штору с клеймом: «Наркомтранс СССР». За мутным от мороси стеклом потянулись черепичные крыши блокаузов, зачастили столбы, усиженные воронами и керамическими изоляторами, мелькнула чёрная лента транспортера на роликах. – Господи... – повторил он. – Они хотят взорвать состав прямо на станции!

Коберс растерянно обернулся:

– Но они же не смогут уйти?

Молча пожав плечами, флигер-инженер вернулся за свой столик и обессиленно опустился на скрипучий дерматин диванчика.

– Чёртовы фанатики, самоубийцы, – попятился от окна лейтенант, затравленно оглянулся вокруг и, схватив за ворот караульного, швырнул его к двери тамбура: – Немедленно отцепите платформу с партизанами!.. Пусть сами себя поджарят!.. – забормотал он горячо.

Заскрежетали реборды колес, вагон зашатало из стороны в сторону на густом распутье стрелочных переводов узла.

– Поздно, герр лейтенант, – холодно констатировал сопровождающий. – Самое умное, что мы можем сейчас делать, это прыгать прямо на ходу и бежать, сломя голову. Впрочем, – инженер поймал дребезжащую в стакане крутого чая ложечку и меланхолически помешал ею кубики рафинада. – Впрочем, головы мы всё равно потеряем. Это очень хороший бензин...

Керчь, ул. Сталина. Полевая комендатура «FK 676 Kertsch»

В залоге действительном

– Патруль был расстрелян из автомата взводного береговой охраны, – заканчивая доклад, лейтенант взвода полевой полиции поворачивался вокруг своей оси, чтобы не потерять из виду полицей-комиссара. – И автомат они забрали с собой, – заключил он со значением. – Так что я думаю, это партизаны. Они никогда не упускают возможности завладеть оружием, тогда как диверсанты, естественно, выбрасываются уже с таковым.

– Действительно, «с таковым»... – с досадливой гримасой передразнил протокольный стиль подчинённого оберстлейтнант Мёльде, но кислая его мина тотчас обратилась в болезненную. – Не городите чепухи, Рот, – простонал он, схватившись за повязку, скрывавшую половину лица. – Заколоть командира и перебить патруль из его же пистолета-пулемёта? Слишком много прыти для ополченцев. Нет, это те самые ублюдки, что проникли в крепость и выжгли склад горячего!

Шеф местной полиции и комендант FK 676 осторожно помассировал напоминание о вчерашнем происшествии. Ожог не только обещал уродливый шрам на пол-лица, но и не обещал ничего хорошего для правого глаза, в смысле зрения.

– Это парашютисты! – злобно повторил Эрих. – Или десантники!

– Вы полагаете, герр оберстлейтнант, они выплыли? – недоверчиво уточнил оперативник.

– Что, как раз, неудивительно. Для этого и существуют спасательные жилеты, которых мы не нашли на барже! – язвительно напомнил Мёльде.

– Но никто и не подтвердил их комплектность, герр... – начал возражать Рот Ройтенберг.

– Удивительно другое, – перебил его оберстлейтнант. – Болтаться целую ночь в ледяной воде, в шторм? Удивительно, что они не околели.

– Русские моряки живучи, как кошки, хоть и плавают так же...

Мёльде уставился на подчинённого единственным глазом, полным злого недоумения. Рот то ли не досказал своей сомнительной шутки, то ли понял, что её вряд ли оценят.

– Я имею в виду, что среди пленных русских матросов, – поспешил он с пояснением, – часто встречаются едва умеющие плавать.

– А вы что, ведёте статистику? – с пугающей вежливостью осведомился оберстлейтнант. – В таком случае, справедливости ради, отметьте там, что лично я плаваю, как кувалда. Оставьте! – рыкнул он, закрывая рот лейтенанту прежде, чем тот нашёл, что сказать в оправдание шефа. Неутрачивая боль делала его нетерпимым и нетерпеливым. – Что вы предприняли?

Пошедший красными пятнами Ройтенберг с радостью ухватился за возможность реабилитации.

– Я обратился непосредственно к начальнику полиции безопасности и СД генерального округа «Таврия-Крым»! – бодро рапортовал он.

– Непосредственно? – слегка опешил Мёльде. – Штандартенфюрер Зитц в Керчи?

– Вообще-то полицей-фюрер округа здесь по каким-то своим делам, – нехотя признал лейтенант. Мол, «не сам затребовал, чего уж там, ни рылом, ни рангом не вышел...» – Но он выразил полное понимание и готовность оказать помощь, – продолжил он с хвастливой

ноткой редкого дипломатического успеха. – В помощь местному коменданту переброшена рота вспомогательной охранной полиции¹⁹ и добровольцев «Хиви»²⁰. Им приказано прочесать весь район 286-й ортскомендатуры «Колонка», – вдохновенно махнул рукой Ройтенберг по всему предместью, чуть ли не до старой турецкой крепости Еникале.

Впрочем, казалось, что оберстлейтнант Мёльде слушает его в пол-уха, думая о чем-то своём. Он даже пробормотал вслух:

– Welchen Teufel will er?²¹

Но командир оперативной группы не терял надежды быть замеченным и оценённым по праву.

– В крайнем случае не дать уйти диверсантам на ту сторону, – с видом стратега повёл он рукой через пролив, на Тамань.

И был оценён-таки, но только отчасти.

– Всё-таки диверсантам, не партизанам? – вдруг язвительно уточнил Мёльде.

– Я просчитывал и этот вариант, герр оберстлейтнант, – осторожно возразил Ройтенберг.

– И отдали приказ карателям и предателям уничтожить парашютистов?

– Но?..

– В таком случае хотел бы вам напомнить, – с медлительностью, которая, в его случае, свидетельствовала о крайней степени раздражения, продолжил пыточные уточнения полицей-комиссар. – Хотел бы напомнить вам, лейтенант, приказ...

¹⁹ Hilfsschutzmannschaft, вспомогательная охранная полиция, подчиняющаяся соответствующему фюреру СС и полиции.

²⁰ «Добровольные помощники», или «Хиви» (Hilfswillige, Hiwi).

²¹ Какого дьявола ему тут надо? (нем.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.